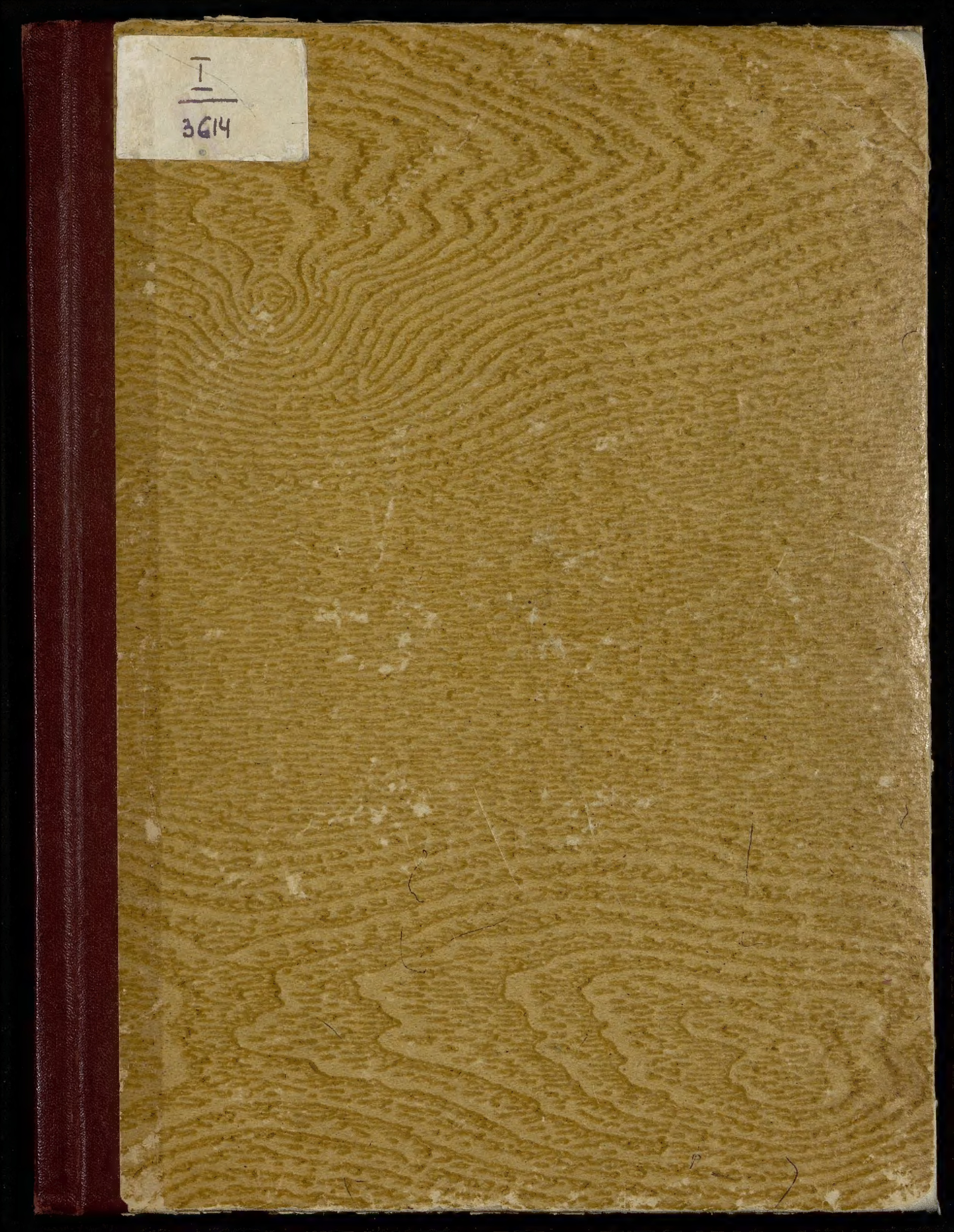
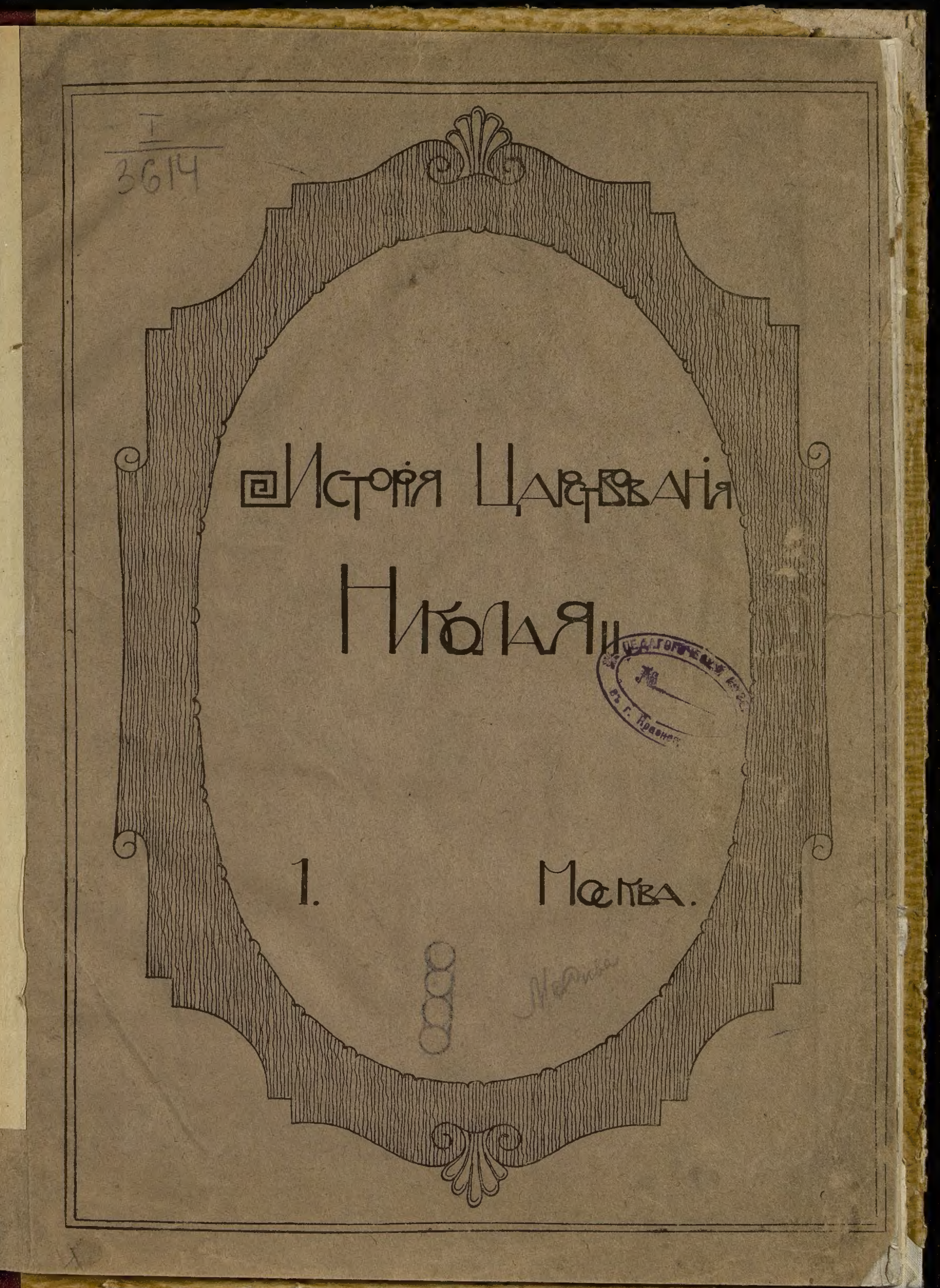

I
3614

Исторія Царствованія Николая II

1.

Москва.

ИСТОРІЯ

Царствованія Николая II-го

Выпускъ

І-й

ИЗДАНІЕ
Т-ВА Н. В. ВАСИЛЬЕВА

МОСКВА,
Типографія Т\Д. И. А. МАЛЬКОВЪ и Ко. преемн. И. В. Жукова.
Рождественскій бульваръ, д. 10, Оболенской.
1917 г.

ИСТОРІЯ

Царствованія Николая II-го.

ПРОГРАММА

1. До восшествія на престолъ. Наслѣдіе Александра III. Рожденіе и воспитаніе Николая II. Путешествіе наслѣдника Въ Сибири. Случаи въ Японіи. **2. Частная жизнь.** Женитьба на Алисѣ Гессенской. Ходынка. Первые годы царствованія. Союзъ съ Франціей. Царь въ Парижѣ. Гаага. Внутренняя политика. „Пустыя мечты земства". Жизнь двора. Николай II и балетъ. **3. Японская война.** 1905 г. Причины войны. Война и ея результаты. Внутренняя политика. Необходимость реформъ Революція 1905 г. **4. Призрачныя свободы. Реакція. Эпоха Распутина** Свободы 1905 г. Ограниченіе Витте и Столыпинъ. Появленія Распутина. Его роль. Клевреты Распутина. Разложеніе. **5. Великая война.** Николай II и Вильгельмъ. Начало войны. Сухомлиновщина. Мясоѣдовъ. царь —верховный вождь арміи. Пораженія. Передъ лицомъ революціи. **6. Послѣдній годъ передъ революціей.** Протопоповщина. Убійство Распутина, и высылка великаго князя Дмитрія Павловича. Волненіе среди великокняжеской семьи. Рѣчи въ Думѣ. Разгонъ Думы. Рѣшеніе Думы. Великая революція. Отреченіе. Арестъ Николая II.

ИЗДАНІЕ

Т-ва Н. В. Васильева.

МОСКВА—1917 г.

Н

НИКОЛАЙ II.

(Опытъ характеристики.)

„Надо съѣсть съ человѣкомъ пудъ соли, чтобы узнать его“,—говоритъ извѣстная поговорка.

Но есть случаи, когда эта поговорка такъ-же невѣрна, какъ другая, старая латинская, „De mortuis aut nihil, aut bene“ („о мертвыхъ говорятъ или ничего, или хорошо“.)

Если обѣ эти пословицы и примѣнимы въ обыденной, маленькой, сѣренькой жизни, гдѣ человѣкъ теряется среди мелочей жизненыхъ условій и обстановки, гдѣ все течетъ такъ ровно и однообразно, что человѣку, въ сущности, не на чемъ и проявить себя, то не такъ обстоитъ дѣло тогда, когда человѣкъ у всѣхъ на виду, когда каждый шагъ его бросается въ глаза, и каждый, хотя-бы и самый незначительный, поступокъ такъ или иначе отражается на участи другихъ или, во всякомъ случаѣ, волнуетъ другихъ и не остается для нихъ безразличнымъ.

„Большому кораблю—большое и плаваніе“,—а „кому много дано, съ того много и спросится“.

И когда приходится говорить объ историческихъ лицахъ или дѣятеляхъ, о лицахъ, игравшихъ роль по положенію своему или по значенію въ общественной жизни, приходится говорить о нихъ и обсуждать ихъ дѣятельность уже не съ узко-обывательской точки зрѣнія, а мѣрить ихъ мѣркою гораздо болѣе широкой.

Тогда отпадаютъ такія соображенія частнаго свойства, какъ „говори о мертвомъ только хорошо, потому что онъ не можетъ себя защищать, да къ тому-же, зачѣмъ помнить чужія ошибки?“.

И въ то время, какъ вторженіе въ частную жизнь обыкновеннаго смертнаго—дѣло крайне щекотливое и нежелательное, являясь проявленіемъ просто дикаго и некультурнаго любопытства,—освѣщеніе жизни лица, игравшихъ видную роль въ исторіи, со всѣхъ сторонъ и до самыхъ интимныхъ ея угловъ,—дѣло необходимое и органически-естественное.

Вѣдь эти интимныя стороны отражались на общемъ ходѣ вещей и на судьбѣ множества людей въ большинствѣ случаевъ гораздо больше, чѣмъ тѣ открытыя дѣйствія, слова и и позы, которыя показывались другимъ. И тому, кто хочетъ искать ключъ къ дѣйствительному пониманію явленій, прежде всего приходится обращаться къ тѣмъ невидимымъ глазу посторонняго событіямъ и пружинамъ, которыя отъ него скрывались, такъ какъ то, что показывалось, было показано съ тѣмъ или инымъ расчетомъ и далеко не всегда было искреннимъ и истиннымъ, являясь только показною стороною.

И въ то-же время, если интересующійся дѣйствительною, а не показанною только на театрѣ общественности, политики или подмосткахъ популярности личностью, хочетъ дойти до настоящей правды, онъ долженъ быть осторожнымъ: и въ лакейской онъ можетъ получить ту или иную характеристику кого-либо, но далеко не всегда такая характеристика будетъ имѣть какую-либо цѣнность.

Достаточно вспомнить ту роль, которую сыграли въ извращеніи дѣйствительнаго облика Наполеона I всевозможные его лакеи и приближенные. Лакейская—далеко не всегда хорошій историческій освѣдомитель и документъ и надо умѣть разбираться въ тѣхъ фактахъ, которые такъ охотно сообщаютъ всевозможные такіе освѣдомители про лицъ, интересомъ которыхъ къ другимъ они спекулируютъ. „Но факты, факты",—скажутъ намъ, —„факты достовѣрные и провѣренные всегда цѣнны, отъ кого бы они не исходили.

Такой взглядъ на роль фактовъ—огромная ошибка.

Фактъ самъ по себѣ—мертвое сцѣпленіе чисто внѣшнихъ, разбросанныхъ или послѣдовательно развивающихся, событій и явленій.

Только освѣщеніе факта дѣлаетъ его живымъ, только соединеніе его въ цѣльную последовательную цѣпь дѣлаетъ факты значительными.

Но часто мало даже и этого.

Часто, только узнавъ *мотивы*, побудившіе то или иное лицо совершить тѣ или иныя дѣйствія, только его истинныя *побужденія*, можемъ мы получить правильное освѣщеніе фактовъ.

Обыкновенно, приходится итти обратнымъ путемъ: о мотивахъ и побужденіяхъ судить по внѣшнему проявленію и сцѣпленію фактовъ. Это путь въ большинствѣ случаевъ единственно доступный исторической перспективѣ изслѣдованія...

Но поэтому такое изслѣдованіе неизмѣнно является въ той или иной мѣрѣ одностороннимъ результатомъ творчества того, кто оцѣниваетъ и группируетъ факты.

Сами факты никогда не группируются, и всякая оцѣнка, всякое заключеніе, сдѣланныя на основаніи хотя-бы на видъ и самой объективной групировки фактовъ,- есть уже абстракція, субъективность, уже творчество.

Поэтому-то такъ мѣняется въ исторіи оцѣнка тѣхъ или иныхъ событій, тѣхъ или иныхъ личностей, мѣняется историческая перспектива, мѣняются проникающіе вглубь ея люди, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и вся картина, которую другіе люди и подъ вліяніемъ другой исторической перспективы рисовали другими красками, въ другихъ тонахъ и подъ другимъ угломъ зрѣнія.

Сейчасъ не время еще оцѣнивать царствованіе Николая II-го во всей его широтѣ и во всемъ его объемѣ... Будущему поколѣнію, быть можетъ, виднѣе будетъ вся картина его.

Но у исторіи есть и другая сторона: множество мелкихъ штриховъ, воспоминаній и впечатлѣній сгладится, исчезнетъ безслѣдно, если не будетъ фиксировано своевременно...

Я отнюдь не претендую на исчерпывающую характеристику Николая II го, но думаю, что и тотъ эскизный набросокъ, который я считаю себя вправѣ сдѣлать, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе.

Мнѣ приходилось сталкиваться съ людьми, болѣе иди менѣе близко стоявшими къ Николаю II, и тѣ отдѣльные случаи, факты и штрихи, которые эти люди мнѣ сообщали, создавали эскизный набросокъ нынѣ бывшаго, а тогда его царствовавшаго, императора, заставляли невольно вдумываться въ то, что онъ за человѣкъ, чѣмъ объясняются его поступки?

Обыкновенно, крайне аляповато и односторонне рисуются подобные портреты.

И на вопросъ, что Николай за человѣкъ? — вы можете получить немало отвѣтовъ и характеристикъ.

Если вамъ отвѣтятъ, что онъ „слабый" и „безвольный" человѣкъ, на котораго могъ имѣть вліяніе всякій желающій, то неужели *только* этой характеристикой исчерпываются всѣ штрихи его характера и объясняются *всѣ* его поступки?

Неужели человѣкъ весь, во всемъ объемѣ своей психики, можетъ быть опредѣленъ однимъ такимъ штрихомъ какъ „слабовольный"? Импрессіонизмъ—хорошая вещь, и им-

прессіонисты умѣютъ нѣсколькими штрихами создавать впечатленіе цѣлаго.

Но именно поэтому импрессіонизмъ требуетъ и особенно утонченнаго творчества: обрисовывать нѣсколькими штрихами, а тѣмъ болѣе однимъ, можетъ только тотъ, кто вправѣ претендовать на огромную тонкость своего творчества и необычайную технику выполненія.

А сказать „пьяница", „безхарактерный", „жалкій" и т. п.,—это значить сдѣлать видъ, будто что-то можешь сказать, а на самомъ дѣлѣ быть совершенно безсильнымъ сдѣлать какую-либо характеристику.

Человѣкъ—шире одной какой-либо черты, а когда дѣло идетъ о Николаѣ II, то тому, кто знаетъ болѣе подробно рядъ фактовъ изъ его жизни, рядъ проявленій отдѣльныхъ чертъ его характера, волей-неволей приходится остановиться и призадуматься: вопросъ оказывается гораздо сложнѣе, чѣмъ это казалось на первый взглядъ.

Вѣдь не можемъ-же мы, желающіе знать, кто такой Николай II-ой, не остановиться на характеристикѣ его такимъ лицомъ, какимъ являлся такой огромный человѣкъ, какъ покойный С. А. Муромцевъ. А у Муромцева сложилось совершенно опредѣленное впечатленіе о Николаѣ II-мъ.

Сдержанный и какъ-то особенно щепетильно-и кристально-благородный, Муромцевъ ни съ кѣмъ не подѣлился о своей первой встрѣчѣ въ качествѣ предсѣдателя I-ой Государственной Думы съ тогдашнимъ русскимъ имераторомъ.

И ни звука объ этой встрѣчѣ не появилось въ печати, несмотря на то, что любопытство всѣхъ было напряжено до крайности. Но Муромцевъ остался вѣренъ себѣ, онъ не проронилъ объ этой встрѣчѣ ни слова, и только небольшая группа лицъ, близко стоявшихъ къ нему, на корректность которыхъ онъ полагался, спустя нѣкоторое время, была посвящена въ то, какъ прошелъ пріемъ.

А произошло это такъ:

Еще передъ открытіемъ Думы депутаты были приглашены во дворецъ.

Уже тогда выяснилась вѣроятность избранія въ предсѣдатели Думы Муромцева, и, очевидно, въ цѣляхъ оказанія давленія на депутатовъ для того, чтобы подчеркнуть нежелательность избранія предсѣдателемъ именно считавшагося въ верхахъ очень лѣвымъ Муромцева, послѣдній во дворецъ приглашенія не получилъ. Но именно Муромцевъ и былъ избранъ предсѣдателемъ I-ой Государственной Думы и императору Николаю II, не желавшему видѣть лѣваго Муромцева у себя во дворцѣ въ числѣ приглашенныхъ депутатовъ, пришлось принимать Муромцева уже совершенно не по личному своему желанію, а офиціально, въ качествѣ высшаго избранника народа. И встрѣча произошла очень офиціальная. Муромцевъ сдѣлалъ докладъ, и докладъ этотъ былъ принятъ довольно сухо и холодно. Послѣ этого Муромцевъ удалился. Но когда онъ прошелъ уже нѣкоторое разстояніе, его нагналъ адъютантъ Николая и передалъ, что „Его Величество проситъ его вернуться".

Муромцевъ вернулся въ комнату, гдѣ только что принималъ его царь, думая, что послѣдній желаетъ еще что-нибудь узнать у него или спросить по поводу только что сдѣланнаго имъ доклада.

Но передъ нимъ стоялъ уже совершенно другой человѣкъ.

Привѣтливо протягивая ему руку, этотъ человѣкъ оживленно сказалъ:

„Пріемъ предсѣдателя Государственной Думы у русскаго императора кончился... А теперь позвольте, профессоръ, отъ имени меня и жены просить васъ завтра запросто на завтракъ. Пожайлуста не отказывайтесь: я далъ женѣ слово во что-бы то ни стало уговорить васъ принять наше приглашеніе".

Муромцевъ поблагодарилъ, обѣщалъ непременно быть и раскланялся. Когда онъ уходилъ, его опять нагналъ тотъ-же адъютантъ

и сказалъ:

„Его Величество проситъ васъ быть на завтракѣ у него запросто, въ сюртукѣ".

На другой день и въ назначенный часъ Муромцевъ пріѣхалъ къ царю и царицѣ на завтракъ.

И былъ въ буквальномъ смыслѣ очарованъ тѣмъ пріемомъ, который ему былъ оказанъ. Царь держалъ себя какъ хлѣбосольный, радушный, не обыкновенно предупредительный и, главное, крайне простой въ обращеніи хозяинъ.

Онъ самъ наливалъ гостю вино, разспрашивалъ его о его впечатлѣніяхъ, и Муромцевъ былъ пораженъ той освѣдомленностью, которую проявлялъ царь по всѣмъ вопросамъ, той интеллигентностью, которою царь отличался.

Очень просто и радушно держала себя съ Муромцевымъ и царица.

Впечатленіе получалось такое, какъ будто онъ былъ въ гостяхъ не у царя и царицы, а у хорошей, культурной интеллигентной семьи, которая всѣмъ интересовалась и была въ курсѣ политическихъ и общественныхъ вопросовъ.

И это первое впечатлѣніе отъ интеллигентности и культурности царя не изгладилось у Муромцева и впослѣдствіи.

Наоборотъ, какъ это высказывалъ Муромцевъ потомъ не разъ, его доклады царю только еще болѣе укрѣпляли въ немъ вѣру въ большую интеллигентность царя: онъ все схватывалъ быстро и легко, во всемъ разбирался и свободно оріентировался въ самыхъ сложныхъ вопросахъ Говорятъ, что въ день роспуска I-ой Государственной Думы царь послалъ Муромцеву орденъ Бѣлаго Орла...

Но въ это время Муромцевъ былъ уже въ Выборгѣ, гдѣ съ остальными Выборжцами подписалъ Выборгское воззваніе, и посланный ему орденъ такъ и не дошелъ по назначенію и вернулся обратно къ его пославшимъ,

Какъ мы видѣли, отношеніе царя къ Муромцеву рѣзко измѣнилось въ теченіе самаго короткаго времени: то Муромцевъ не былъ приглашенъ во дворецъ до своего избранія въ предсѣдатели Государственной Думы, въ то время какъ многіе, если не большинство, членовъ Думы такое приглашеніе получили, то его встрѣчаютъ совершенно исключительно-любезно, но какъ будто уже не въ качествѣ Предсѣдателя Думы, съ которымъ встрѣчаются сухо и офиціально, а „профессора", и, какъ это явствовало изъ обращенія съ нимъ, интереснаго человѣка...

Что это? Искреннее измѣненіе отношенія подъ вліяніемъ личнаго впечатленія, произведеннаго Муромцевымъ при не посредственной встрѣчѣ съ нимъ царя на послѣдняго?

А неприглашеніе до избранія предсѣдателемъ не было-ли просто вынужденнымъ „политическимъ" и свѣтски-деликатнымъ намекомъ на нежелательность видѣть „лѣваго" Муромцева именно въ качествѣ предсѣдателя, —тактическимъ ходомъ, игнорированъ Государственной Думой, которая менѣе всего была склонна считаться съ подобными придворными „тонкими" намеками и настроеніями?

Но вотъ еще случай, дающій какъ будто нѣкоторый матеріалъ для того, чтобы установить, какъ именно царь относился къ Муромцеву на самомъ дѣлѣ.

Брату царя, великій князь Михаилъ Александровичъ, жилъ „гражданскимъ" бракомъ съ будующей своей женой, дочерью извѣстнаго Московскаго присяжнаго повѣреннаго Шереметевскаго.

На отношенія Михаила Александровича къ его гражданской женѣ при дворѣ смотрѣли крайне недоброжелательно и тревожно.

Особенно шокировало тамъ то обстоятельство, что женщина, съ которой великій князь связалъ свою судьбу, уже два раза была замужемъ, разведясь съ обоими своими мужьями.

Боялись, какъ-бы она не „ощипала" великаго князя, особенно послѣ того, какъ у нихъ родился сынъ.

Никалай и Алиса накануне свадьбы и „безсмысленныхъ мечтаній“.

Только при соблюденіи ряда условій, какъ, напримѣръ, не появляться открыто и вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ Петербургѣ, разрѣшался гражданской женѣ великаго князя въѣздъ въ этотъ городъ, и царь поручалъ отдѣльнымъ лицамъ, какъ, напримѣръ, градоначальнику, неотступно слѣдить за великимъ княземъ и близкой ему женщиной,—на ихъ отношенія смотрѣли, какъ на семейный скандалъ.

Но такъ какъ великій князь нисколько и не думалъ скрывать свою искреннюю привязанность и къ будующей своей женѣ, и къ рожденному отъ нея сыну, то тревога двора все росла.

Дѣйствительность показала, что эта тревога не лишена была основанія: великому князю удалось обмануть бдительность „двора" и тайно повѣнчаться съ любимой женщиной.

Послѣ этого репрессіи по отношенію къ нему приняли уже явный характеръ и надъ его имуществомъ была учреждена опека. Опасались, какъ-бы онъ не перевелъ его на имя своей жены и сына, которому, какъ говорили, еще до этого была присвоена фамилія и званіе графа Б. по имени имѣнія великаго князя.

Въ періодъ особенно немилостиваго отношенія „двора" къ великому князю и, если не ошибаюсь, еще до его женитьбы, одной изъ хорошо знакомыхъ съ семьею отца жены великаго князя, общественной дѣятельницѣ, пришлось побывать въ Петербургѣ, при чемъ она остановилась въ домѣ графини близкой ко двору и любимой тамъ.

Графиня бывала тамъ запросто, и во время пребыванія въ Петербургѣ вышеупомянутой дамы дворъ и Марія Федоровна нерѣдко присылали за графиней, приглашая ее запросто на обѣдъ, завтракъ или вечеръ.

Однажды, вернувшись послѣ посѣщенія двора домой, графиня разсказала своей гостьѣ, что только что говорила съ царемъ о близкой послѣдней семьѣ Шереметевскихъ.

Узнавъ, что у графини гоститъ знакомая этой семьи, царь очень заинтерисовался и просилъ черезъ эту даму передать самому Шереметевскому свое глубокое уваженіе къ нему и свое восхищеніе передъ тѣмъ, какъ онъ себя держалъ во всей этой „грязной исторіи". Дѣло въ томъ, что Шереметевскій самъ отрицательно относился къ роману дочери и въ теченіе нѣкотораго времени не принималъ у себя ни ее, не великаго князя.

„Отъ своего отца я унаслѣдовалъ презрительное отношеніе къ адвокатурѣ",—сказалъ царь. — „Отецъ иначе и не называлъ ее, какъ „эта грязная адвокатура". Но въ моеи жизни мнѣ пришлось имѣть дѣло съ двумя адвокатами: съ Муромцевымъ въ качествѣ предсѣдателя I-ой Государственной Думы, и теперь, хотя и косвенно, съ Шереметевскимъ, и долженъ сказать, что оба эти лица заставили меня относиться къ нимъ съ величайшимъ уваженіемъ и измѣнить мой взглядъ на адвокатовъ. Передъ Муромцевымъ я положительно преклонялся. И только мое положеніе русскаго императора лишило меня возможности реагировать на смерть Муромцева такъ, какъ хотѣлось-бы: вѣдь Муромцевъ былъ Выборжцемъ".

„Поведеніе-же Ш. въ исторіи Михаила положительно выше всякихъ похвалъ".

Итакъ, самъ царь говорилъ, что относится къ Муромцеву съ величайшемъ уваженіемъ.

Можетъ быть такъ.

Что Муромцевъ былъ принять царемъ у себя за завтракомъ съ совершенно исключительной любезностью,—мы видѣли и знаемъ, какое это произвело впечатлѣніе на Муромцева. Мы видѣли также, что царь говорилъ о своемъ уваженіи къ присяжному повѣренному Ш. и просилъ объ этомъ послѣднему передать.

Все, что, слѣдовательно, на этотъ разъ царь говорилъ, говорилось въ томъ расчетѣ, что оно будетъ передано и произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе. И вотъ, не желаніе-ли именно произвести опредѣленное *впечатленіе*,

и умѣніе достигнуть этой цѣли являлось тѣмъ, что мы можемъ уловить въ вышеописанныхъ двухъ случаяхъ?

Оставивъ вопросъ пока открытымъ, разскажу еще одинъ, мнѣ извѣстный, случай. У меня былъ двоюродный братъ Сергѣй, носившій мою фамилію.

Молодой, пылкій и увлекающійся, удивительно искренній, съ прекрасной открытой душой, менѣе всего способный на придворныя тонкости и интриги, Сергѣй любилъ кавалерійскую службу, всецѣло отдавшись ей.

Онъ отбывалъ воинскую повинность въ качествѣ вольноопредѣляющагося въ одномъ изъ особо покровительствовавшихся царями гвардейскихъ полковъ и впослѣдствіи служилъ въ этомъ-же полку уже въ качествѣ офицера.

Превосходный наѣздникъ, любившій лошадей до безумія, онъ близко сошелся съ нѣкоторыми изъ великихъ князей, служившихъ въ томъ полку, участвовалъ на скачкахъ не только въ Россіи, но и въ Англіи, и не могъ не обратить на себя вниманіе царя, всегда виматeльно слѣдившаго за всякаго рода событіями въ военной средѣ, любившаго парады и празднества. Незадолго до міровой войны, во время которой онъ палъ на германскомъ фронтѣ, и палъ только благодаря своей красивой и благородной храбрости, способной на рискъ, часто безумной, даже тамъ, гдѣ можно было обойтись безъ этого риска, —Сергѣю посчастливилось взять на скачкахъ „Императорскій“ призъ.

Какъ-то разъ, въ день полкового праздника, на которомъ, по обыкновенію, присутствовалъ царь, послѣдній подозвалъ къ себѣ Сергѣя и сказалъ:

„Трижды поздравляю васъ, Струве“.

„Съ чѣмъ, ваше величество?“—спросилъ Сергѣй.

„Во-первыхъ, съ полковымъ праздникомъ; во-вторыхъ,—съ Императорскимъ призомъ, а въ третьихъ,—со днемъ вашего рожденія“.

Дѣйствительно, день рожденія Сергѣя какъ разъ совпадалъ со днемъ полкового праздника.

Эффектъ получился большой. Царь зналъ даже такую деталь и хорошо использовалъ ее!

Но этимъ дѣло еще не кончилось.

Въ день полкового праздника, какъ это было принято, царь объявлялъ какую нибудь милость полку.

Часто это бывало въ видѣ назначенія царемъ себѣ адъютанта изъ офицерскаго состава полка.

Ожидали, что что-нибудь въ этомъ родѣ послѣдуетъ и теперь, при чемъ на подобное назначеніе адъютантами могли расчитывать нѣкоторые изъ входившихъ въ составъ офицеровъ полка великихъ князей.

Царь, какъ всегда, былъ веселъ, много смѣялся, шутилъ, былъ оживленъ, но никакой „милости“ не объявлялъ.

Наконецъ, онъ собрался уѣзжать и направился къ выходу.

Думали, что онъ забылъ объ установившемся обычаѣ.

Но вдругъ, уже около самыхъ дверей, царь обернулся и проговорилъ:

„Да, я забылъ вамъ сказать, что я назначаю Струве своимъ адъютантомъ“.

„Милость“ полку была объявлена.

Объявлена безъ всякой торжественности, въ самую послѣднюю минуту и какъ-бы совсѣмъ невзначай.

Но не это-ли именно создавало особенно сильное впечатлѣніе? И было-бы оно сильнѣе, если-бы „милость“ была объявлена именно въ формѣ „милости“ и со всей подобающей ей торжественностью?

А эта простота не могла не очаровывать. И весь вопросъ въ томъ, была-ли она искренна и непосредственна, или это былъ расчетъ на эффектъ,—несомнѣнно довольно тонкій?

Николай II-й очень любилъ всякаго рода спектакли, концерты, вечера и, если только была какая нибудь возможность не пропу-

стить вечера или спектакля, устраиваемаго у кого-нибудь изъ великихъ князей или другихъ, близко стоявшихъ ко двору, лицъ, онъ никогда такого вечера не пропускалъ.

Не меньше, любилъ онъ и другія зрѣлища: парады, скачки и проч.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любилъ и благолѣпіе церковной службы, обряды, шествія, — и самъ строго соблюдалъ эти обряды, не только покорно, но и охотно простаивая безчисленные молебны, литургіи, панихиды и прочія богослуженія, на которыя не скупилось наше духовенство.

Мы знаемъ также, что давно уже не открывалось столько чудотворныхъ мощей, какъ именно въ царствованіе Николая II-го. Православная церьковь, еще со временъ Петра I-го и согласно подложно опубликованному Феофаномъ Прокоповичемъ указу Петра, въ которомъ онъ вычеркнулъ слова объ участіи въ составѣ Синода мірянъ, управлялась чиновничьей канцеляріей, состоявшей изъ чернаго духовенства, „смиренныхъ“ монаховъ, давшихъ обѣтъ нестяжанія и монашескаго отреченія отъ мірскихъ благъ и получавшихъ огромное содержаніе, вмѣшивавшихся въ политику и руководившихъ русскимъ православіемъ.

При Синодѣ, именовавшимся „святѣйшимъ“ находилось око царево-оберъ-прокуроръ, —чиновникъ во всѣхъ отношеніяхъ и открыто, въ отличіе и не въ примѣръ остальнымъ членамъ Синода, которые вмѣсто мундира носили черныя рясы, но вели себя не лучше любого чиновника.

Не Николай II-ой создалъ Синодъ, и при немъ сошли со сцены такіе всемогущіе оберъ-прокуроры, какъ покойный Побѣдоносцевъ, этотъ злой геній Россіи въ теченіе всего царствованія Александра III-го и первой половины царствованія Николая.

При Николаѣ II-мъ гораздо безцвѣтнѣе и уже значительно менѣе опасны стали всѣ эти Саблеры и его преемники, прекратились какъ будто-бы и насильственныя обращенія въ православіе иновѣрцевъ, примѣнявшіяся въ періодъ царствованія Александра III-го. Но внѣшнее благолѣпіе русско-православной церкви расцвѣло съ особою пышностью... Говорю „русско-православной“ потому, что подъ управленіемъ чиновниковъ изъ Синода православная церковь давно перестала быть носительницей ученія Христа и Отцовъ церкви, ибо не въ пышности-же обряда и внѣшнемъ благолѣпіи—сущность ученія православной церкви. А то, что творилось въ православно-чиновничьемъ *вѣдомствѣ*, было менѣе всего христіанскимъ, менѣе всего считалось съ духомъ истинной религіи вообще, и истиннаго православія—въ частности. Важно было, чтобы все было „по формѣ“. И за соблюденіемъ формы и исполненіемъ приказовъ религіознаго начальства слѣдили. И если священники Московскихъ церквей, какъ это было въ октябрскіе дни 1905-го года, предписаніямъ митрополита, „смиреннаго“ Владиміра, произносили во время богослуженія погромныя рѣчи, то это было въ порядкѣ вещей, ибо воля начальства (поставленнаго Богомъ), конечно, превыше всего, и исполненіе этой воли „предписывается самимъ Богомъ“.

И вотъ внѣшняя форма, внѣшняя сторона церковной жизни расцвѣтала при Николаѣ все болѣе и болѣе.

Между нимъ и духовенствомъ установилось самое лучшее взаимоотношеніе.

Сняты были запреты вродѣ того, который былъ провозглашенъ Николаемъ I-мъ,—„чтобы больше не было открытія новыхъ святыхъ“. И, одно за другимъ, начинается такое открытіе.

Дѣло дошло до того, что за самое послѣднее время началось нѣчто вродѣ чудотворныхъ явленій надъ гробомъ самодура и сумасшедшаго, но менѣе всего, казалось-бы, могущаго претендовать на чудотворность, имератора Павла I-го.

И неизвѣстно, не пришлось-ли бы нам имѣть дѣло съ новымъ чудотворцемъ, уже изъ царской семьи, и если-бы не нашъ государственный переворотъ. Повидимому, наступало время, когда могъ быть объявленъ „чудотворцемъ" и Іоаннъ Кронштадскій, этотъ человѣкъ „не отъ міра сего" въ началѣ своей жизни, такъ глубоко погрязшій въ политикѣ и борьбѣ за самодержавіе въ концѣ ея.

Развѣ не отрицаніемъ Іоанномъ Кронштадскимъ самого себя являлось его апеллированіе къ полицейскому, когда его убѣжденія не помогали? А такіе случаи стали достояніемъ гласности даже еще въ тѣ времена, когда цензура особенно зорко охраняла „престижъ" духовенства, усматривая поношеніе и опасность для казенно-синодскаго православія не столько въ самыхъ дѣйствіяхъ пастырей, сколько въ сообщеніи объ этихъ дѣйствіяхъ и освѣшеніи ихъ съ надлежащей стороны.

Итакъ, внѣшняя театральная сторона, благолѣпіе церковныхъ службъ и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыми сопровождались такія исключительно-торжественныя празднества, какъ открытіе новыхъ чудотворныхъ мощей и проч., когда торжества продолжались по цѣлымъ недѣлямъ, — эта сторона процвѣтала въ царствованіи Николая II-го. И если это сопоставить со всѣмъ вышеописаннымъ и любовью Николая ко всякимъ зрѣлищамъ, то, быть можетъ, не такъ ужъ трудно будетъ разгадать истинную причину этого и найти этому явленію объясненіе.

Совершенно несомнѣнно, что Николай II-й любилъ быть „пріятнымъ", стремился къ этому и умѣлъ этого достигать.

Мы видѣли, что Муромцевъ, — строгій, чеканно-благородный и серьезный и менѣе всего привыкшій къ чисто-свѣтскимъ, и только свѣтски-любезнымъ, пріемомъ, проведеннымъ въ совершенствѣ, былъ очарованъ пріемомъ царя.

Но тому, кому приходилось имѣть много дѣла, напримѣръ, хотя-бы съ чисто-свѣтскимъ классомъ французовъ,—приходилось, вѣроятно, обращать вниманіе на способы проявленія той особой французской, удивительно тонкой, любезности, которая умѣетъ производить впечатлѣніе. Русскій комплиментъ всегда аляповатъ, тяжелъ, всегда граничитъ съ лестью или глупостью.

Комплиментъ, сдѣланный свѣтскимъ французомъ, необыкновенно тонокъ, граціозенъ, какъ-то искристо-заразителенъ и производитъ впечатлѣніе искренности: въ него готовъ вѣрить, и только уйдя изъ подъ его власти, часто начинаешь соображать, что онъ былъ именно не болѣе, какъ комплиментомъ, хотя и преподнесеннымъ вамъ съ артистическимъ совершенствомъ.

„Быть пріятнымъ",—это особое умѣніе, построенное далеко не всегда на умно обдуманномъ расчетѣ, а просто органически свойственное нѣкоторымъ людямъ, при чемъ наиболѣе удачные для достиженія этого пути избираются ими чисто интуинтивно.

Вовсе не надо быть какъ-то особенно коварно-умнымъ, быть Макіавелли или необычайнымъ хитрецомъ, или отличаться особеннымъ двуличіемъ, чтобы не только желать произвести, но и дѣйствительно произвести пріятное впечатлѣніе на другого, стать обворожительнымъ.

И, кажется мнѣ, Николай II-й отличался именно этой чертой.

Никакой особой живости ума у него не было, никакой остроты его также,—Николай былъ просто человѣкомъ, сталкивавшимся со множествомъ людей, среди которыхъ было и много умныхъ, и что-то усваивалъ отъ нихъ, усваивалъ, быть можетъ, именно все изъ того-же желанія быть пріятнымъ.

Онъ что-то понималъ, память у него была хорошая. Онъ такъ пріятно шелъ собесѣднику навстрѣчу, что *казалось*, что онъ знаетъ гораздо больше того, что онъ знаетъ въ дѣйствительности, что онъ гораздо умнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Какимъ онъ *былъ*, — люди вѣдь знать не могли: ни Муромцевъ, ни братъ Сергѣй; ни другіе, разсказывавшіе о своихъ встрѣчахъ съ Николаемъ, не знали всѣхъ проявленій психики Николая, а сталкивались съ нимъ болѣе или менѣе урывками.

А при этихъ встрѣчахъ онъ производилъ *впечатленіе*.

И, кажется мнѣ, инстинктивно онъ находилъ наиболѣе выгодный моментъ для этого: онъ любилъ спектакли и зрѣлища и чисто инстинктивно создавалъ его тогда, когда самъ дѣлался дѣйствующимъ лицомъ. Это не крупная, рельефная и чеканная поза Наполеона 1-го: тотъ былъ неизмѣримо крупнѣе. За то и впечатленіе, производимое Наполеономъ на окружающихъ, было сильнѣе, чѣмъ то, которое производилъ Николай.

И развѣнчаннаго Наполеона многіе изъ бывшихъ его слугъ любили такъ, что добровольно вмѣстѣ съ нимъ приняли его Голгофу на островѣ святой Елены.

Такихъ слугъ у Николая не оказалось, не оказалось именно потому, что Николай II-й не Наполеонъ I-й, что впечатленіе, производимое личностью того и другого и тою *игрою*, которую проявляли и тотъ и другой, было различно; что если Николай II-й и умѣлъ становиться просто пріятнымъ, Наполеонъ умѣлъ превращаться въ кумира, бога, святую святыхъ.

Иной былъ полетъ у каждаго изъ нихъ, и иное производили они на людей дѣйствіе, иное оставляли впечатленіе.

Не это-ли желаніе быть „пріятнымъ" сквозитъ и въ слѣдущемъ случаѣ съ Н. Н. Фигнеромъ?

Желая сдѣлать что-либо для пѣвца Фигнера и на его просьбу освободить, хотя-бы и съ сохраненіемъ самаго строгаго за ней надзора, содержавшуюся въ Шлиссельбургской крѣпости и замѣшанную въ дѣлѣ о покушеніи на Александра II-го сестру его, Вѣру Фигнеръ, Николай согласился и сказалъ, чтобы Фигнеръ ѣхалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Сипягину и передалъ ему свое согласіе на освобожденіе Вѣры Фигнеръ.

Сипягинъ сказалъ, что „этого не будетъ", послѣ чего царь, спустя нѣкоторое время, съ прискорбіемъ сообщилъ, что его намѣреніе освободить Вѣру Фигнеръ „оказалось невозможнымъ" и что „это ужъ придется имъ выстрадать". Развѣ не желаніе быть во „всѣхъ отношеніяхъ пріятнымъ" сквозитъ въ этихъ словахъ? Имъ вдвоемъ придется это „выстрадать".

Какое участіе! Какая симпатія! Какое трогательное сочувствіе!

Сдѣлано все, отъ него зависящее, но... оказалось не возможнымъ.

Остается вмѣстѣ горевать, вмѣстѣ скорбѣть и плакать.

Думаю, что это подтверждаетъ тотъ выводъ, который я сдѣлалъ изъ ранѣе приведенныхъ случаевъ.

Простое указаніе на „невозможность" исполнить волю „самодержца" со стороны министра еще могло-бы говорить о слабохарактерности царя.

Но эта ссылка на страданіе!

Что это? Двуличіе?

Во всякомъ случаѣ не только слабохарактерность. Въ этомъ есть еще что-то *кромѣ* слабохарактерности.

Можетъ быть и доля двуличія.

Но не та-же ли черта быть пріятнымъ собесѣднику, не стать въ его глазахъ какимъ-то препятствіемъ въ достиженіи имъ его желанія, сквозитъ въ этомъ случаѣ, быть можетъ, и вмѣстѣ съ долей двуличія?

Не та-же ли въ этомъ и игра, какъ выше съ Муромцевымъ, братомъ Сергѣемъ?

Думаю, что такъ.

Николай не былъ актеромъ, какимъ умѣлъ быть Наполеонъ. — для этого онъ былъ недостаточно талантливъ, но *играть* онъ любилъ и умѣлъ, — играть чисто по свѣтски, быть можетъ и не очень тонко, но все-же довольно заразительно.

Это не былъ хитрецъ и назвать его „позеромъ“ нельзя.

Думаю, что онъ не былъ въ настоящемъ смыслѣ двуличенъ, — двуличіе предполагаетъ уже ярко выраженную двойственность, которой не проявлялъ Николай, менѣе всего и при какихъ-бы то ни было условіяхъ жизни бывшій когда-либо именно *яркимъ*.

Что это желаніе быть пріятнымъ и недостаточная рельефность личности ставили царя иногда въ довольно неловкія положенія, —несомнѣнно.

Такъ, напримѣръ, въ періодъ самаго реакціоннаго гоненія на грузинъ, еще при Побѣдоносцевѣ, говорятъ, царь безъ вѣдома послѣдняго принималъ у себя лицъ, которыя вели совершенно противоположную Побѣдоносцеву линію, и, будто-бы, даже оказывалъ имъ активную поддержку, несмотря на то, что подписывалъ офиціальныя мѣропріятія, предпринимаемыя подъ вліяніемъ политики Побѣдоносцева. Говорятъ также, что совершенно неожиданная и случайная встрѣча Побѣдоносцева во дворцѣ съ однимъ изъ такихъ лицъ противоположнаго ему лагеря открыла ему глаза и послужила одной изъ причинъ того неожиданнаго исчезновенія Побѣдоносцева съ арены политической дѣятельности, которая въ свое время такъ удивила всѣхъ.

Но что въ обращеніи Николая II-го съ окружающими не было игры и театральности, а, наоборотъ, что это обращеніе достигало иногда характера большой простоты, можетъ подтвердить слѣдующій случай:

у Николая былъ любимый камердинеръ, всегда его раздѣвавшій.

Какъ-то разъ, Николай получилъ секретное письмо отъ покойнаго греческаго короля Георга, въ которомъ послѣдній касался ряда острыхъ политическихъ вопросовъ.

И вдругъ объ этомъ совершенно секретномъ письмѣ заговорили, и при томъ не только въ „высшихъ“, но и въ сравнительно гораздо болѣе низшихъ, сферахъ.

Это встревожило власть имущихъ.

Если не ошибаюсь, вопросъ обсуждался даже въ засѣданіи министровъ.

А, между тѣмъ, и то, что говорилось на этомъ засѣданіи, снова проникло въ „общество“.

Снова заволновались и на этотъ разъ уже не на шутку: ясно было, что кто-то, чуть-ли не изъ числа самихъ министровъ, выдавалъ тайны.

Но кто былъ этимъ опаснымъ лицомъ изъ числа немногихъ, посвященныхъ въ это дѣло, лицъ?

Ларчикъ открывался просто:

Какъ-то кому-то удалось узнать, что о нѣкоторыхъ вопросахъ бесѣдуетъ съ другими лицами камердинеръ царя.

Взялись за камердинера: откуда онъ знаетъ такія вещи?

Тотъ удивился.

Какъ откуда?

„Да вѣдь Его Величество всегда по вечерамъ, когда я его раздѣваю, о всѣхъ новостяхъ со мною бесѣдуетъ. Мнѣ и о письмѣ Его Величества, короля греческаго, Его Величество разсказывалъ“.

Но этотъ-же камердинеръ игралъ еще другую, и нельзя сказать, чтобы отрицательную, роль...

Было время, когда при его посредствѣ къ Николаю съ задняго хода проникали люди, съ которыми царь бесѣдовалъ совершенно запросто и которые, такимъ образомъ, установили нѣкоторую связь между нимъ и внѣшнимъ міромъ помимо тѣхъ офиціальныхъ сношеній съ этимъ міромъ, которыми волей-неволей приходилось ограничиваться царю.

Повидимому, къ числу такихъ, проникшихъ къ царю съ задняго крыльца, людей принадлежали и тѣ лица, которыя отстаивали интересы грузинъ и другихъ угнетаемыхъ Побѣдоносцевымъ и его присными народностей, классовъ и лицъ, случайное столкновеніе съ которыми этого охранителя самодержавія и казеннаго православія, — что крайне

сильно повліяло на старика-реакціонера, — и послужило одной изъ причинъ его ухода на покой.

О томъ, что Николай былъ человѣкомъ съ „характеромъ" въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово, напримѣръ, англичанинъ Смайльсъ, говорить не приходится.

Но „характерецъ" у него былъ.

Еще вначалѣ своего царствованія онъ нерѣдко старался подчеркнуть, что онъ—-нѣкто, имѣющій власть и силу.

Такъ, на одномъ изъ мнѣній Государственнаго Совѣта, которыя, по утвержденіи ихъ царемъ, становились законами, что было до „конституціи" 1905-го года, при чемъ, представляя это мнѣніе, Совѣтъ указывалъ, что, по Высочайшемъ утвержденіи этого мнѣнія, онъ приступитъ къ тому-то, царь сдѣлалъ на поляхъ надпись: „приступить, если я разрѣшу".

Говорятъ, что подобное подчеркиваніе своего значенія и своего положенія Николаемъ повторялись нерѣдко. Но и помимо этихъ случаевъ были другіе, когда Николай II-ой умѣлъ быть опредѣленнымъ и даже демонстративно-опредѣленнымъ.

Такъ обстояло, напримѣръ, дѣло съ Григоріемъ Распутинымъ. Касаться послѣдняго и его поведенія передъ лицомъ царя было совершенно невозможно.

Вотъ что разсказывали объ уходѣ А. Д. Самарина, этого потомка славянофиловъ, съ должности оберъ-прокурора, которую онъ занималъ очень недолго Въ одинъ изъ трудныхъ періодовъ міровой войны, когда правительство какъ будто имѣло въ виду заключить съ обществомъ нѣкоторое перемиріе и пригласило въ свой составъ такихъ сторонниковъ стараго режима, какъ Самаринъ, который все-же могъ, конечно, претендовать на званіе общественнаго дѣятеля и считаться *новымъ* и даже свѣжимъ элементомъ въ тупой и совсѣмъ себя изжившей бюрократической машинѣ.

Во время одной изъ ауденцій Самарина у царя послѣдній, говорятъ, обратился къ нему съ просьбой разсказать ему о настроеніи въ обществѣ.

„Прикажите говорить Вашему Величеству всю правду?"—спросилъ Самаринъ.

„Конечно, всю правду, не скрывайте ничего".

И Самаринъ сказалъ царю, что общество проникнуто вѣрноподданническими чувствами, но что его волнуетъ близость къ царской семьѣ Распутина.

Царь воскликнулъ:

„Вы сами-же говорите, что народъ попрежнему—вѣрноподданный своего царя. Такъ неужели онъ не можетъ предоставить ему это маленькое удовольствіе?"

И, кажется, въ тотъ-же день во время засѣданія Государственнаго Совѣта, на которомъ присутствовалъ и Самаринъ, предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ получилъ отъ царя карандашомъ написанную бумажку, на которой коротко было изображено:

„Передайте Александру Дмитріевичу, что я въ его услугахъ больше не нуждаюсь".

Горемыкинъ прочелъ записку и, флегматично сказавъ:

„Это касается васъ",—

передалъ записку Самарину

Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ разсказывали тогда.

Но не одинъ Самаринъ палъ такимъ образомъ косвенной жертвой увлеченія царя Распутинымъ. Бывшій губернаторъ Москвы, генералъ Джунковскій, къ которому царь всегда относился очень благосклонно, былъ имъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ на правахъ начальника корпуса жандармовъ.

Джунковскому не хотѣлось разставаться съ Москвой, въ которой онъ былъ популяренъ и съ которой свыкся.

Но дѣлать было нечего, пришлось покориться и ѣхать въ Петроградъ, оставивъ прежнее мѣсто своей службы.

Теперь уже извѣстно, что Джунковскій, человѣкъ прямой и, несомнѣнно, честный, былъ возмущенъ многимъ изъ того, съ чѣмъ ему пришлось столкнуться по обязанностямъ въ новой своей должности. Именно онъ удалилъ, напримѣръ, отъ службы такого провокатора, какъ члена Государственной Думы соціалиста Малиновскаго, возмутившись тѣмъ, что правительство не останавливается даже передъ такими, совершенно азіатскими, пріемами, какъ проведеніе своихъ провокаторовъ въ законодательныя Палаты.

Хотя, послѣ исторіи Азефа, можно-ли было чему-либо удивляться?! И отъ правительства, которое не останавливалось передъ самыми послѣдними низостями вродѣ планомѣрной организаціи Кишиневскаго и другихъ еврейскихъ погромовъ, такого процесса, какъ процессъ Бейлиса, и многаго-многаго другого, чего только не оставалось ожидать?

Вопросъ о Распутинѣ не могъ остро не задѣть генерала на первыхъ-же порахъ его новой службы.

Однажды, какъ разъ во время его пребыванія въ Москвѣ, Джунковскому было сообщено о томъ скандалѣ, который произвелъ у „Яра" Распутинъ, напившійся до-пьяна, выбѣгавшій изъ отдѣльнаго кабинета чуть не голымъ въ общую залу и, между прочимъ, указывая на вишитую свою рубаху, кричавшаго: „А знаете-ли, кто это вишивалъ? — Сашенька своими бѣленькими ручками вышивала".

Джунковскій настоялъ на томъ, чтобы былъ составленъ протоколъ, и, пріѣхавъ въ Петроградъ, доложилъ царю о безчинствѣ Распутина.

Результатъ былъ печаленъ для Джунковскаго: ему пришлось выйти въ отставку.

Попробовалъ указать на необходимость уволить отъ двора Распутина и старый графъ Шереметьевъ, другъ Александра III-го, котораго слушаться во всѣхъ важныхъ вопросахъ Александръ завѣщалъ своему наслѣднику.

Царь, говорятъ, побагровѣлъ, ударилъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

„Не смѣть вмѣшиваться въ мои семейныя дѣла!".

Послѣ этого Шереметьевъ уѣхалъ и больше во дворцѣ не показывался.

Итакъ, далеко не всегда царь былъ безволенъ. Одинъ Распутинскій вопросъ самъ по себѣ являлся уже чѣмъ-то, во что вмѣшиваться онъ никому не позволялъ, проявляя въ данномъ случаѣ и настойчивость, и энергію, и опредѣленно-выдержанную линію поведенія.

А что Николай умѣлъ подчеркнуть свое недовольство кѣмъ-либо, видно изъ слѣдующаго случая:

Во время одного изъ представленія членовъ одной изъ Государственныхъ Думъ царю, царь, увидавъ А. И. Гучкова и холодно поздоровавшись съ нимъ, обратился къ рядомъ съ нимъ стоявшему барону А. А. Крюденеръ-Струве, съ которымъ очень долго и оживленно сталъ бесѣдовать.

Правда, баронъ А. А. Крюденеръ-Струве былъ знакомъ царю въ качествѣ одного изъ уѣздныхъ предводителей Московской губерніи, неоднократно привѣтствовавшихъ и принимавшихъ царя и царицу во время ихъ посѣщенія первопрестольной.

Темъ для разговоровъ, конечно, могло быть немало, тѣмъ болѣе, что воспоминанія объ обѣдахъ, торжествахъ и другихъ празднествахъ, которыми сопровождались эти высочайшія посѣщенія и встрѣча царя и царицы хлѣбосольнымъ дворянствомъ, не могли оставить другого воспоминанія у царя, кромѣ самаго пріятнаго.

Но все-же исключительная продолжительность разговора бросалась въ глаза и была отмѣчена. Этотъ разговоръ надо было-бы считать особою милостью и особеннымъ вниманіемъ царя къ барону А. А. Крюденеръ-Струве, если-бы онъ не былъ, въ сущности, проявленіемъ и подчеркиваніемъ невниманія и немилости къ непріятному для царя Гучкову.

И именно дѣлаясь особенно пріятнымъ для барона Крюденеръ-Струве, Николай „игралъ“, по своему наносилъ удары Гучкову.

Не характерный-ли это для него пріемъ?

Говорятъ, что Николай добросовѣстно работалъ, прочитывая бумаги и дѣлая на поляхъ ихъ отмѣтки.

Эти отмѣтки въ большинствѣ случаевъ были довольно однообразны, не обнаруживали полета и особой вдумчивости...

Но любовь къ труду у Николая, повидимому, имѣлась. и въ этомъ смыслѣ кажется мнѣ характернымъ то, что, вслѣдъ за его задержаніемъ и ограниченіемъ его свободы, онъ подолгу чистилъ въ паркѣ дорожку...

Газетъ, говорятъ, онъ читать не любилъ.

Характерны для Николая II-го и слѣдующіе эпизоды:

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ рѣшилъ испытать на себѣ самомъ тяжесть солдатскаго вооруженія.

И вотъ, въ полномъ облаченіи и вооруженіи пѣхотинца онъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ходилъ по окрестностямъ своего дворца въ Крыму. Это было сдѣлано для реальнаго опыта. Не знаю, къ какимъ реальнымъ послѣдствіямъ въ смыслѣ измѣненія формы и вооруженія пѣхоты привелъ этотъ царскій опытъ, сколько было въ немъ серьезнаго и сознательнаго отношенія къ дѣлу и сколько сентиментализма.

Но что Николай II-й не лишенъ былъ этого послѣдняго чувства, мнѣ кажется несомнѣннымъ.

Возьмемъ, напримѣръ, его соединеніе герба изъ царскаго штандарта съ народнымъ штандартомъ послѣ обще-народнаго подъема, вслѣдъ за началомъ міровой войны въ 1914-мъ году.

Это было сдѣлано „въ знакъ объединенія царя съ народомъ“, несмотря на то, что это объединеніе только и осталось въ области прекраснодушія, а всѣ дѣйствія были ка[illegible] разъ обратнаго свойства.

Но именно это „прекраснодушное“ сентиментальничанье и характерно.

А эти постоянныя перемѣны въ области обмундировки гражданскихъ и военныхъ властей, столь частыя, что періодами ложились тяжелымъ бременемъ на скромный бюджетъ служащихъ классовъ, это постоянное установленіе новыхъ эмблемъ и значковъ? Что это такое?

Особенно отличалось этимъ первое время царствованія Николая II-го.

Но не менѣе характерно его стремленіе итти по стопамъ Вильгельма II-го, создать красивую офицерскую форму по нѣмецкому образцу, всѣ эти гремящія по тротуарамъ сабли и проч.

Никогда еще Россія не знала такого количества новыхъ значковъ и формъ, какъ въ царствованіе Николая II-го.

И во всемъ этомъ — полное отсутствіе полета.

Творчество и дѣйствіе не уходятъ дальше созданія эмблемъ и обмундированія. Въ реальной жизни его у Николая нѣтъ.

Онъ — человѣкъ, живущій по готовымъ укладамъ религіи, создавшихся условій.

И онъ легко готовъ примириться съ новыми условіями.

Это не Наполеонъ I-й, часами неподвижно стоящій на палубѣ увозящаго его въ изгнаніе корабля и устремившаго взоры туда, гдѣ оставались берега Франціи.

Наполеонъ никого не видитъ кругомъ, онъ остался наединѣ съ собой и собой до конца. Въ немъ — настоящая трагедія, заражающая окружающихъ.

Николай, попытавъ всѣ средства для того, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ, легко поддается обстоятельствамъ, когда оказывается, что это ему не удалось.

Правда, уже подписавъ отреченіе отъ [illegible]стола, онъ еще нѣсколько разъ задаетъ окр[illegible]ющимъ вопросъ:

„А, можетъ быть, еще не все потеряно? А, можетъ быть, еще можно спасти положенiе, если сдѣлать уступки, но не отрекаться совсѣмъ?"

Это не борецъ, это не герой, это не личность какъ Наполеонъ, послѣ пораженiя подъ Ватерлоо доведенный до прострацiи, надломленный, но огромная, хотя и сломанная, сила... Николай не хочетъ и не можетъ хотѣть, ему „хочется", хочется остаться царемъ, хочется не терять власти совсѣмъ. А когда оказывается, что теперь уже поздно, онъ, вздыхая, говоритъ.

„Поѣду въ Крымъ, буду сажать тамъ цвѣты: я такъ люблю цвѣты".

Это — не трагедiя, это покорность обывателя, и не слабаго, и не сильнаго, самаго зауряднаго, сѣраго, средняго обывателя.

„Почему не дѣлалъ попытки задержать за собою власть, пока это можно... А нельзя—ну, такъ Богъ съ ней, съ этой властью".

Я нисколько не сомнѣваюсь, что скажись удобный случай, Николай опять попробовалъ-бы вернуть себѣ власть обратно. Почему-бы и не попробовать?

Но это не мощная борьба Наполеона до послѣдняго момента, когда силы ему измѣнили окончательно, когда онъ надорванъ уже не только физически и не только разбитъ въ сраженiи, но когда надломлена уже его психика. Слишкомъ много и часто напрягались эти психическiя силы до состоянiя готоваго лопнуть каната.

Такого напряженiя никогда не знала психика Николая, — просто потому, что Николай II-й и Наполеонъ I-й — два совершенно противоположныхъ полюса.

Николай II-й любитъ театръ, часто приглашаетъ и слушаетъ Плевицкую и проч.

Но развѣ это любовь къ французской трагедiи и къ Тальмѣ и попытки самому декламировать Наполеона?

Развѣ его любовь къ парадамъ, пышности, благолѣпiю и торжественности—любовь Наполеона къ прекрасной и сильной позѣ и духовно-романтическому подъему? Наполеонъ творитъ даже въ этикетѣ; и въ созданномъ имъ самымъ этикетѣ — какая-то спаянная мощь, подъемъ и властность.

А у Николая?

Помню одно изъ посѣщенiй царской семьи въ началѣ мiровой войны Москвы и Кремля и торжественное и долженствовавшее быть блестящимъ шествiе... Что за убогое впечатлѣнiе произвелъ на меня тогда весь этотъ картежъ, все это шествiе!

Все было—и мундиры, и туалеты, и церемонiи, и даже блестящее солнце, но не было самаго главнаго,—не было внушительности. Помню сцену, когда въ проходѣ изъ малаго Кремлевскаго дворца въ Чудовъ монастырь царя и царицу увидалъ въ окно народъ и привѣтствовалъ ихъ криками, Николай какъ-то растерянно и неловко остановилъ жену и оба подошли къ окну и стали раскланиваться.

И какое-то жалкое впечатлѣнiе оставалось отъ этого и вовсе не потому, что было жалко царя и царицу, а именно потому, что такъ неумѣла, такъ неуклюжа была вся эта пышность, что именно настоящей торжественности во всемъ этомъ не было, а были только потуги на торжественность и великолѣпiе, которое было только чисто внѣшнимъ, не озаренное ни настоящимъ подъемомъ, ни даже настоящей театральностью, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ на Западѣ.

Это было просто жалкое зрѣлище, несмотря на всю свою внѣшнюю пышность, и я ушелъ съ какимъ-то непрiятнымъ осадкомъ на душѣ, какъ бываетъ, когда кто-то на что-то претендуетъ и оказывается въ смѣшномъ, безпомощномъ и безсильномъ положенiи.

Вотъ еще одинъ, характерный для Николая, случай, незадолго до революцiи разсказанный мнѣ однимъ высокопоставленнымъ генераломъ.

Во время представленія Николаю одного боевого генерала царь былъ необычайно любезенъ съ нимъ, задалъ ему рядъ вопросовъ объ одномъ изъ боевыхъ „дѣлъ", въ которыхъ этотъ генералъ отличился, и высказалъ генералу свою признательность за его дѣйствія и рзспорядительность.

Счастливый генералъ, пріѣхавъ въ свою часть, сообщилъ о благодарности царя и, въ свою очередь, благодарилъ подчиненныхъ.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ вызванъ къ военному министру.

„На какомъ основаніи вы позволили себѣ разговоръ о такомъ-то „дѣлѣ" съ государемъ?" — былъ ему заданъ вопросъ.

„На томъ основаніи, что государь самъ началъ разговоръ о „дѣлѣ" и пожелалъ имѣть отъ меня отвѣты на опредѣленные вопросы. Къ тому-же онъ объявилъ мнѣ за это свою благодарность".

„Это мы еще посмотримъ", — былъ отвѣтъ. И вслѣдъ за тѣмъ тотъ-же генералъ и на основаніи доклада министра царю получилъ уже вполнѣ офиціальный.. выговоръ за тѣ-же дѣйствія, за которыя царь лично благодарилъ его передъ тѣмъ.

Что это? Безличіе? Сумбуръ? Или еще что то? Или, можетъ быть, желаніе, сказавъ пріятное генералу, сдѣлать не менѣе пріятное и военному министру.

Недаромъ Николай и самъ любилъ „пріятныхъ" людей: бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Маклакова, который, говорятъ, сталъ любимцемъ за свое умѣніе разсказывать анекдоты и корчить гримасы, подражая нѣкоторымъ животнымъ и удачно пародируя и передразнивая отдѣльныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, — бывшаго и хорошо памятнаго всѣмъ министра-же, а ранѣе — члена президіума 4-й Государственной Думы Протопопова, который положительно очаровалъ царя своею обходительностью, а царицей самымъ искреннымъ образомъ считался, кажется, самымъ настоящимъ общественнымъ дѣятелемъ.

Вѣдь, будь у Николая II-го другой характеръ, принимай онъ все болѣе глубоко къ сердцу, будь это человѣкъ съ болѣе глубинной психикой,—кажется, не могли-бы не отразиться на немъ, не произвести нѣкотораго переворота въ его душѣ тѣ событія, которыя разыгрывались въ теченіе всего его 26½-лѣтняго царствованія.

Одна Ходынка чего стоитъ!

А эти убійства Боголѣпова, Сипягина Плеве, великаго князя Сергѣя Александровича, Столыпина и многихъ другихъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться постоянно, вмѣстѣ работать!

Для того, чтобы выносить такія событія и потрясенія, надо имѣть или огромную душевную силу или полное отсутствіе ея, чтобы волненія проходили такъ-же быстро, какъ проходили и сами событія. Сила борется, протестуетъ, терзается и, разрушая, сама подтачивается и разрушается, и наглядный примѣръ этому — надломъ Наполеона, наступившій въ періодъ его бракосочетанія съ дочерью австрійскаго императора Маріей-Луизой, такъ ярко проявленный имъ во время похода 1812 го года на Россію, особенно во время Бородинской битвы и послѣдующемъ его поведеніи до начала отступленія. Или тотъ-же Наполеонъ въ состояніи душевной прострации послѣ битвы при Ватерлоо!

Это — надломъ послѣ битвы со всѣмъ міромъ, паденіе послѣ взлета, гдѣ сила паденія увеличивалась въ зависимости отъ того напряженія, той высоты, которой этотъ взлетъ достигалъ.

У Николая нѣтъ ни тѣни такихъ взлетовъ. Вся его жизнь безцвѣтна и безкрасочна, и при томъ не по внѣшности (во внѣшней исторіи много произошло за его царствованіе событій), а по существу.

И эти событія наступали и проходили, и такъ-же неизмѣнно проходили и тѣ или иныя волненія и впечатлѣнія.

Ничто не оставляло слѣда, ничто не научало. А, между тѣмъ, еще въ бытность Николая наслѣдникомъ дѣлалось все, чтобы подготовить его къ „царствованію“.

Онъ выросъ среди опредѣленныхъ семейныхъ устоевъ: Александръ III-й и его жена, Марія Федоровна, и многочисленныя дѣти ихъ представляли опредѣленный семейный, сплоченный и довольно дружный, кругъ.

Александръ III-й, дѣйствительно, былъ главой этой семьи, что чувствовалось опредѣленно и отчетливо. Въ его семьѣ царила патріархальность и простота отношеніи, были сильныя многія „традиции“.

Николаю читались лекціи лучшими профессорами, объ уровнѣ его знаній заботились.

Что-то, и притомъ въ довольно разнообразномъ видѣ и количествѣ, преподносилось ему.

И онъ усваивалъ предподносимое.

Но все это было не свое, — чужое, преподносимое въ готовомъ, другими разработанномъ, видѣ.

Это не было пріученіемъ къ самостоятельному творчеству.

Инициативы проявлять было нельзя: для этого слишкомъ опредѣлененъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и въ своихъ привычкахъ былъ отецъ.

Къ тому-же у отца была воля, много, пожалуй, и чисто-русскаго „нрава“, итти наперекоръ которымъ не полагалось. А вмѣстѣ съ тѣмъ вся царская семья живетъ подъ вѣчнымъ страхомъ покушеній на нее. Показаться гдѣ-либо безъ охраны считалось вещью совершенно невозможною, и мнѣ памятно еще то изумленіе, тотъ энтузіазмъ, которое вызвало совершенно неожиданное и невольное появленіе царя среди толпы гдѣ-то около Красной площади, въ періодъ не то японской войны (до революціи), не то немного раньше: отправившись изъ закрытаго для публики Кремля одинъ гулять по высокой и широкой, окружающей Кремль, стѣнѣ, царь какимъ-то образомъ опустился на Красную площадь... И вдругъ оказался передъ толпой.

Помню, какъ восторгались этимъ случаемъ газеты...

Царь — среди народа!

А, можетъ быть, это было не случайностью, а однимъ изъ тѣхъ, не порывовъ, — порывъ нѣчто сильное, хотя-бы и скоропроходящее, а Николай менѣе всего былъ порывистъ, — однимъ изъ тѣхъ сентиментальныхъ проявленій и желаній показать свою близость къ народу, какъ соединеніе эмблемы царскаго штандарта съ народнымъ, какъ хожденіе по окрестностямъ Ялты въ походномъ вооруженіи солдата.

Легкость отношенія къ явленіямъ Николая, кажется мнѣ, видна во всемъ.. Какъ просто сдѣлаться главнокомандующимъ арміей! Взялъ и сталъ имъ.

И, думаю я, Николай, не способный смотрѣть на вещи глубоко, навѣрно считалъ себя не хуже, если и не лучше, другихъ.

А какъ легко было стать героемъ!

Поѣхалъ въ армію съ наслѣдникомъ, ни разу не былъ въ бою, не совершилъ никакого геройства, а вдругъ ему привозятъ Георгіевскій крестъ. какъ настоящему герою.

И не должно-ли было ему, не глубокому по существу, казаться, въ жизни все совершается крайне просто и легко.

Отъ природы не глубокій, съ дѣтства поставленный въ условія, въ которыхъ ни индивидуальность, ни творчество, ни вообще какая-либо сила и какіе-бы то ни было порывы не могли развиваться, — Николай и въ дальнѣйшемъ не встрѣчаетъ ничего такого, что могло-бы развить въ немъ какую-бы то ни было активность и силу. Бракъ его совершается по указанію родителя. Былъ небольшой періодъ. когда молодой наслѣдникъ немного-было „заартачился“, и къ Кшесинской онъ, кажется, дѣйствительно былъ привязанъ.

Но родитель послалъ его тогда въ кругосвѣтное путешествіе, а вмѣстѣ съ вступленіемъ въ законный бракъ съ Алисой Гессенской ему пришлось разстаться и съ Кшесинской. У него нѣтъ ни достаточной силы, ни достаточной воли, ни, наконецъ, просто деспотичнаго дерзанія, чтобы поддерживать эту связь послѣ брака или прокладывать себѣ новый путь къ личному счастью.

Николай II-й послушенъ „устоямъ", традиціямъ, укладу, — онъ религіозенъ въ предѣлахъ обрядовъ, которые онъ строго соблюдаетъ, онъ все дѣлаетъ, какъ „полагается", возмущается поведеніемъ своего брата Михаила и вообще всѣмъ что пахнетъ скандаломъ, непріятностью, онъ легко на видъ оріентируется въ разныхъ вопросахъ, идетъ на уступки, когда ему говорятъ, что больше дѣлать ихъ нельзя, но не дѣлаетъ ихъ до самой послѣдней минуты, онъ легко возвращается къ прежнему, когда это оказывается возможнымъ.

Онъ такъ-же искренно и легко будетъ ходить въ Крыму за цвѣтами, какъ онъ раньше командовалъ арміями...

Онъ никогда не будетъ самъ бороться на жизнь и смерть за что-либо, предоставляя это другимъ. И не характерно-ли для него и для всего его царствованія, что въ то время, какъ съ Думской трибуны и подъ сводами Таврическаго дворца между правыми и лѣвыми шли горячіе споры о томъ, самодержавіе-ли въ Россіи или „конституція",—самъ царь молчалъ, предоставляя рѣшеніе этого спора желающимъ.

Его этотъ вопросъ не касался.

Это было толкованіемъ указа 17-го октября. Пусть толкуютъ.

Не знаю, что долженъ былъ въ это время дѣлать царь по теоріи того или иного „государственнаго ученія", но знаю, что такое явленіе могло имѣть мѣсто только въ наше неопредѣленное, переходное время, какимъ было все царствованіе Николая, въ странѣ и при государственной жизни, еще не сложившейся, и при царѣ, охотно бывшимъ пріятнымъ, но такъ-же охотно державшимся въ сторонѣ отъ всякаго слишкомъ шумнаго спора, отъ каждаго активнаго вмѣшательства, если только это вмѣшательство не было вызвано самыми крайне острыми причинами и не таило въ себѣ возможности и надежны актомъ репрессіи положить предѣлъ „безпокойству". Николай II-й не былъ „личностью".

Онъ не былъ даже человѣкомъ, легко скользившимъ по жизни,

Онъ былъ и всѣмъ этимъ, и ничѣмъ, и ни одна изъ чертъ его характера опредѣленно не выдѣлялась надъ другой,

Николай II-й — типичное проявленіе безлюдья и безъидейности, отраженіе переходнаго времени съ его уклонами и изгибами. Поэтому, кожется мнѣ, неправы тѣ, которые рисуютъ его тѣмъ или инымъ, говорятъ объ опредѣленныхъ чертахъ его характера.

Эти черты могли быть сейчасъ и сгладиться черезъ минуту, проявиться и исчезнуть совсѣмъ или спрятаться наврemя и не благодаря его хитрости или по его желанію, а просто сами по себѣ, чаще всего интуитивно... Такіе люди въ одно и то-же время и виноваты во многомъ и не виноваты ни въ чемъ.

Нужно что-то углубить въ нихъ, чему-то придать рельефъ, — тогда они станутъ добрыми, злыми, хорошими или дурными, хитрыми или умными.

Но пока этого нѣтъ, — и какъ это сдѣлать? — передъ нами сѣрое пространство, принимающее ту или иную форму только потому, что мы сами влагаемъ въ него воображеніемъ ту или иную форму, сами дѣлаемъ его „чѣмъ-то", въ то время, какъ безъ насъ и помимо насъ, и само по себѣ оно было ничѣмъ.

А. Ф. Струве

ЖЕНИТЬБА на АЛИСѢ ГЕССЕНСКОЙ.

Всякій царь долженъ быть женатъ, не хуже русскаго православнаго священника, во избѣженіе „соблазна“.

И, вступая на прародительскій престолъ, Николай II-й долженъ былъ, прежде всего, позаботиться о томъ, чтобы имѣть жену, которая явилась-бы производительницей его потомства и обезпечивала-бы дальнѣйшее сохраненіе за этимъ потомствомъ трона предковъ.

Но Николаю и не пришлось заботиться о своей женитьбѣ: заботливый Александръ III-й, чувствуя приближеніе смерти, самъ позаботился о бракѣ своего сына и, хотя и не успѣлъ поженить сына, то успѣлъ по крайней мѣрѣ, сосватать его.

Перспектива оказаться женою одного изъ самыхъ вліятельныхъ царей Европы улыбалась многимъ изъ представительницъ всевозможныхъ мелкихъ державъ. Съ другой стороны, не особенно улыбалась перспиктива быть разорванной бомбой какого-нибудь революціонера.

Впрочемъ, тринадцатилѣтнее царствованіе Александра III-го показало, что есть возможность обезопасить себя, если только принять соотвѣтствующія мѣры, хотя катастрофа на станціи „Борки, гдѣ скрывшемуся передъ самымъ взрывомъ поваренку все-же удалось подложить адскую машину въ самый поѣздъ, показывала, что въ отвѣтъ на ухищренія со стороны правительства и революціонеры снова начинаютъ прибѣгать къ не менѣе тонкимъ ухищреніямъ. Но все-же видѣть дочь русской царицей льстило самолюбію нѣкоторыхъ второстепенныхъ властителей.

Все ухудшавшееся состояніе Александра III-го требовало скораго сватовства и возможно быстраго бракосочетанія наслѣдника Александру III-у хотѣлось видѣть своего первенца въ этомъ отношеніи устроеннымъ. Но желанію его такъ и не пришлось осуществиться: женить сына онъ такъ и не успѣлъ, хотя все-же успѣлъ его сосватать.

Сваты-же оказались среди ближайшихъ родственниковъ.

Дядя цесаревича, великій князь Сергѣй Александровичъ. былъ женатъ на одной изъ дочерей великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго одного изъ мелкихъ владѣтельныхъ князей нѣмецкой имперіи. Эта дочь приняла имя Елизаветы Федоровны. У этой Елизаветы Федоровны имѣлась незамужняя сестра Алиса.

Еще за нѣсколько лѣтъ до смерти Александра III-го возникъ проектъ этого брака.

Великій герцогъ пріѣзжалъ тогда въ Петербургъ со своею красивою, высокою, довольно сухо и сдержанно державшейся, дочерью.

Но ни Николаю, тогдашнему цесаревичу, ни его матери, императрицѣ Маріи Федоровнѣ, эта слывшая за очень ученую, сухая и довольно-таки надменная, нѣмка не понравилась, и въ то время сватовство это разстроилось.

Великій герцогъ и его дочь не солоно хлѣбавши уѣхали обратно въ Германію, а самолюбивая Алиса не могла не затаить въ душѣ своей обиду, что быть можетъ, и проявились такъ опредѣленно впослѣтствіи и въ ея отношеніяхъ къ Николаю II-му и ко всему русскому народу. Какъ истинная нѣмка, воспитанная на Момзенѣ, Мюллерѣ и другихъ подобныхъ историкахъ-восхвалителей нѣмецкаго генія, неизмѣримо выше стоявшаго въ ихъ глазахъ, чѣмъ славянскія народности, которыя, по ихъ мнѣнію, предназначались только служить удобреніемъ для нѣмецкой культуры,—она вѣрила въ германскую мощь и Вильгельма II-го, презирая все что стоитъ внѣ Германіи, и „выродившуюся" Францію, и тѣмъ болѣе, „дикій" русскій народъ: Зато она твердо вѣрила въ то, что и цари, и императрицы, и всевозможные герцоги и владѣтельные „курфюрсты" и просто „фюрсты"—помазанники Божіи, въ силу одного своего происхожденія поставленные выше другихъ и предназначенные управлять, въ то время, какъ всѣ остальные должны были только „преклоняться".

И вотъ ей, съ ея самолюбивымъ характеромъ, считавшейся „образованной и ученой, даже „докторомъ философскихъ наукъ", пришлось оказаться недостаточно хорошей для какого-то недалекаго русскаго цесаревича, будущаго царя дикаго народа, которому какая-то балерина всеже нравилась больше, чѣмъ она, претендентка на „помазанницы".

Конфузъ, несомнѣнно, огромный.

Оставалось сидѣть и ждать другого случая.. .выйти замужъ и сдѣлать, если и болѣе неудачную, то все-же хоть какую-нибудь „карьеру", разъ не оправдались расчеты на карьеру болѣе блестящую.

Но судьба оказалось внимательной и благосклонной къ этой маленькой по положенію герцогинѣ, и родная сестра ея сумѣла напомнить о ней, когда остро возникъ вопросъ о необходимости скорѣйшаго бракосочетанія русскаго царевича въ виду близкой смерти его отца самодержца.

Сватовство состоялось быстро.

Но прежде, чѣмъ бракосочетаніе цесаревича могло состоятся. Александръ III-й умеръ. Между тѣмъ. надо было совѣршить нѣкоторыя формальности.

По закону русской императрицей могло быть только лицо православнаго вѣроисповѣданія. Алиса-же Гессенъ-Дармштадская которую еще во время перваго неудачнаго ея пребыванія въ Петербургѣ съ отцомъ прозвали „гессенскою мухой", была лютеранкой и поэтому должна была еще перемѣнить религію.

Надо было еще пройти хоть съ формальной стороны нѣкоторое подобіе православной догматики, поучиться хоть сколько-нибудь русскому языку.

Конечно, ученики и ученицы, находящіяся въ подобныхъ условіяхъ, обыкновенно, оказываются исключительно понятливыми и быстро усваивающими самыя большія премудрости. Такъ случилось и съ Алисой: очень скоро всѣ формальности были выполнены, и лютеранка Гессенъ-Дармштадтская оказалась православной Александрой Федоровной, послѣ чего не больше препятствій для ея брака съ „благочестивѣйшимъ" самодержцемъ всея Руси и для дальнѣйшаго производства потомства, не менѣе „православнаго", чѣмъ являлась теперь и новоиспеченная „Александра Федоровна".

О переходѣ Алисы въ православіе ходили разные слухи.

Разсказывали, что текстъ ея отреченія отъ „ереси", которую въ качествѣ лютеранки она ранѣе исповѣдывала, былъ составленъ въ оскорбительныхъ для ея прежняго вѣроисповѣданія выраженіяхъ, и что будто-бы, она просто взяла и зачеркнула не понравившіяся ей строки и слова и только послѣ этого подписала отреченіе.

Такъ-ли обстояло дѣло въ дѣйствительности или нѣтъ,—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, этимъ подчеркивалась независимая и самостоятельная манера поведенія будущей русской императрицы, а пока еще невѣсты молодого русскаго цесаревича, а затѣмъ императора.

Итакъ, Алиса отреклась отъ прежней ереси и стала новоявленной Александрой Феодоровной. Мы не знаемъ, насколько она была набожной лютеранкой и до какихъ предѣловъ доходила эта набожность, пока она была только скромной Гессенъ-Дармштадской принцесой.

Мы знаемъ, однако, хорошо, до какой степени религіознаго фанатизма, ставшаго почти изувѣрствомъ, дошла она впослѣдствіи въ качествѣ „православной" русской императрицы. Мы знаемъ о томъ, какъ она скупала иконы по всей странѣ, и иконы эти ей доставлялъ еврей-факторъ, мы знаемъ, какъ, все болѣе и болѣе погружаясь въ какой-то экстатическій мистицизмъ, она, какъ утопающій за соломенку, хваталась за проходимцевъ вродѣ Григорія Распутина. Мы знаемъ, что она, подобно Николаю и окружающимъ ее, занималась столоверченіемъ, призывала знахарей и „оккультистовъ", вродѣ Филиппа, Паппюса и юродивыхъ, вродѣ Митьки блаженнаго. Мы знаемъ, что она простаивала обѣдни, служила молебны.

Нѣкоторые психологи утверждаютъ, что религіозность и половой вопросъ находятся въ близкомъ соприкосновеніи. Предоставимъ объ этомъ судить спеціалистамъ, но въ отношеніи Александры Феодоровны это оказалось именно такъ. Иконы смѣнялись иконами, „пассы" внушителей-оккультистовъ—молебнами, а все это вмѣстѣ—похожденіями далеко не религіознаго и не христіанскаго характера, экстазами, которые такъ опредѣленно сопровождали поклоненіе царицы Григорію Распутину, какъ это видно изъ одного ставшихъ достояніемъ гласности писемъ ея къ послѣднему.

Распутинъ оказался избавителемъ отъ „скверны", очистителемъ отъ нея, послѣ котораго душа „очищалась".

Все это становится особенно понятнымъ, если принять во вниманіе психическую неустойчивость всей семьи великаго герцога Гессенъ-Дармштадскаго и ту плохую наслѣдственность, которая царила въ этой семьѣ.

Объ этомъ не подумали во время сватовства и въ этомъ отношеніи Наполеонъ I-ый, сватаясь за одну изъ сестеръ Александра I-го, былъ заботливѣе: озабоченный продолженіемъ рода, онъ получилъ отъ своего посла точнѣйшія указанія о плодовитости русскихъ княженъ, объ ихъ раннемъ половомъ развитіи, о томъ, когда именно развился у великой княжны бюстъ... Но сватовство это успѣха не имѣло, послѣ чего онъ женился на не менѣе здоровой австріячкѣ Маріи-Луизѣ.

Такъ далеко не шелъ русскій дворъ въ своихъ заботахъ о продленіи русскаго императорскаго рода: выборъ палъ на Алису Гессенскую впопыхъ, за неимѣніемъ въ виду другихъ невѣстъ и невозможностью далѣе откладывать дѣло въ долгій ящикъ.

Ея „православная" сестра, жена великаго князя Сергѣя Александровича, быстро устроила сватовство православнаго русскаго цесаревича съ своею лютеранкой-сестрой. И эта сестра, чуждая русскому народу по духу и рожденію, презиравшая его за его „дикость" и отсталость, быстро приготовляется къ роли будущей „матушки царицы", — принимаетъ православіе, мѣняетъ имя, выходитъ замужъ за русскаго царя и, конечно, остается самой настоящей нѣмкой, тѣсно и презрительно сжатыя губы которой не разъ показываютъ и мужу ея, и окружающимъ, кто она въ дѣйствительности, и какъ мало она слилась съ

Во время представленія царю, при его вступленіи на престолъ, когда адресъ делегаціи Тверского дворянства заставилъ Николая II произнести крылатыя слова о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“ именно съ Тверскою делегаціей произошелъ изображенный здѣсь случай: блюдо выпало изъ рукъ губернскаго предводителя дворянства и со звономъ покатилась по полу; хлѣбъ развалился, а соль просыпалась, что по русскимъ примѣчаніямъ—дурной признакъ,—ссора. Царь сдѣлалъ невольное движеніе—поднять блюдо, чѣмъ увеличилъ общее замѣшательство.

жизнью того народа, править которымъ она себя считала вправѣ, особенно за послѣднее время царствованія Николая 2-го, захвативъ почти всю власть въ свои руки и оказывая самое беззастѣнчивое вліяніе на внутреннюю политику страны.

Типичная истеричка, со свойственнымъ всѣмъ истеричкамъ напоромъ темперамента, она умѣетъ и ненавидѣть, и мстить, и, наконецъ, цѣпляться за все, что она считаетъ своимъ спасеніемъ, или въ чемъ она видитъ возможность такого спасенія.

Въ вѣчномъ страхѣ за будущность и даже жизнь своихъ дѣтей, особенно больного младшаго сына, Алексѣя, требующаго тщательнаго ухода и постоянно лѣчимаго всевозможными „знаменитостями", оккультистами, чудотворцами и просто прохвостами, она доходитъ почти до полнаго состоянія безумія. Мужа своего она доводитъ до того, что онъ просто махнулъ, что называется, на нее рукою, —„дѣлай, что хочешь", и передавали, будто онъ какъ-то сказалъ:

„Лучше сто Распутиныхъ, чѣмъ одна истерика".

Но религіозное-половое помѣшательство жены не проходило даромъ и для него самого: онъ самъ впалъ въ самое настоящее ханжество, не менѣе ея вѣрилъ всякимъ „Митькамъ", Гришкамъ, Филиппамъ, Папюсамъ и другимъ, занимаясь и спиритизмомъ, и верченіемъ столовъ, и молитвами, и постоянно всуе упоминая имя Господа Бога въ своихъ рѣчахъ.

Александръ 3-ій умеръ, не успѣвъ обвѣнчать сына, и сейчасъ-же послѣ его смерти начались приготовленія къ браку послѣдняго съ Алисой.

Трауръ былъ сокращенъ, и еще въ томъже 1894 году, всего черезъ 3 недѣли послѣ смерти Александра, 14-го ноября Россія получила новую императрицу, Александру Федоровну, православную по вѣроисповѣданію, русскую по имени и отечеству и чистокровную нѣмку до мозга костей.

ВОСШЕСТВІЕ на ПРЕСТОЛЪ.

Въ полномъ сознаніи, окруженный семьей, умеръ 20-го октября 1894-го года, въ Ливадіи, Александъ III-й.

Смерть послѣдовала отъ болѣзни почекъ, запущенной благодаря недостаточно бдительному врачебному надзору за здоровьемъ императора: на болѣзнь обратили вниманіе только тогда, когда, всегда крѣпкій и тучный, императоръ сталъ быстро худѣть.

Самъ Александръ III-й, рѣдко болѣвшій, не слѣдилъ за своимъ здоровьемъ и никогда не жаловался, если чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо.

Говорятъ, что болѣзнь эта находилась въ непосредственной связи съ катастрофой царскаго поѣзда близь станціи „Борки", когда въ карманѣ царя былъ даже сплюснутъ серебряный портсигаръ.

Болѣзни царя благопріятствовала его любовь „выпить".

На престолъ вступилъ Николай II-й.

Еще у постели умирающаго Александра III-го происходили недоразумѣнія между придворнымъ духовникомъ, Янышевымъ и „знаменитымъ" Іоанномъ Кронштадтскимъ: каждый хотѣлъ играть первенствующую роль, и споръ ихъ между собой продолжался даже и послѣ смерти Александра и восшествіи на престолъ молодого, 26-лѣтняго Николая.

Но не только этихъ спорящихъ духовниковъ унаслѣдовалъ Николай отъ отца: вся свора приспѣшниковъ и слугъ отца, цѣлый сонмъ родственниковъ, дядей, двоюродныхъ братьевъ, тетокъ, кузинъ досталась ему въ наслѣдство, а тѣ изъ нихъ, которые имѣли наиболѣе крупное вліяніе на покойнаго отца его и играли роли во внутренней политикѣ, старались сохранить за собой прежнее вліяніе, продолжать старую роль, забирая въ свои руки и молодого царя. Смерть отца, конечно, сильно огорчила Николая.

Семья отца жила дружно. Женатый на бывшей невѣстѣ рано умершаго старшаго брата своего, цесаревича Николая Александровича, Дагмарѣ датской, при переходѣ въ православіе получившей имя Маріи Федоровны, Александръ III-й всею душою былъ преданъ и „волоокой" своей женѣ и всей многочисленной, ею ему рожденной, дѣтворѣ.

Это былъ семьянинъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Отъ природы недалекій, не получившій особо блестящаго воспитанія, совершенно неподготовленный къ роли, которую ему неожиданно пришлось сыграть благодаря смерти старшаго брата Николая, въ которомъ онъ самъ привыкъ видѣть будущаго самодержца всея Руси, Александръ чуждался царской роскоши, придворнаго блеска и шума.

Трагическая смерть Александра II-го и постоянный страхъ также погибнуть отъ руки революціонеровъ, заставили его совершенно изолировать себя отъ внѣшней жизни,

окружить себя желѣзнымъ кольцомъ охраны и появляться во внѣшнемъ мірѣ только въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, когда это требовалось государственными соображеніями.

Въ самомъ началѣ своего царствованія Александръ покинулъ опасный Петербургъ и изолировалъ себя въ Гатчинѣ, при чемъ поселился даже не во дворцѣ, а въ одномъ изъ флигелей послѣдняго. гдѣ его огромной широкоплечей фигурѣ приходилось чуть-ли не нагибаться при переходѣ изъ комнаты въ комнату и гдѣ, поднявъ кверху руки, онъ свободно доставалъ до потолка.

Здѣсь онъ жилъ „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“ и чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ опасномъ, безпокойномъ и шумномъ Петербургѣ и его огромныхъ дворцахъ, Жизнью матеріально обезпеченной, скромной и дружной семьи жила семья Александра III-го. Было досадно, что приходилось принимать какихъ-то министровъ, выслушивать чьи-тс доклады, — но „что подѣлаешь?“ Вѣдь, это была „служба“, правда, служба въ роли „самодержца всея Руси“, но все-же служба: надо было подписывать бумаги, отдавать распоряженіи, если ихъ спрашивали. Правда, въ этомъ отношеніи въ распоряженіи Александра былъ вѣрный слуга отца — Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.. Онъ все зналъ, во все вникалъ, былъ въ курсѣ всей государственной жизни, особенно въ смыслѣ внутренняго ея направленія. Ему хорошо были извѣстны тѣ пути, по которымъ надо было вести Россію; тѣ способы, которыми наилучшимъ путемъ было осуществлять „благо государства“. Не онъ-ли на колѣняхъ умолялъ колебавшагося было и только что вступившаго на престолъ царя „не губить“ Россіи, разорвать, какъ говорятъ, уже подписанную Александромъ II-мъ „конституцію“ хитраго Лорисъ-Меликова?

Побѣдоносцевъ! — Онъ „все знаетъ, все видитъ“. И вотъ, въ рукахъ этого умнѣйшаго атеиста, изображавшаго изъ себя религіознаго чеиовѣка, въ рукахъ этого ханжи до мозга костей, этого совершенно бездушнаго, злого законовѣда оказалась и церковь и фактически и вся внутренняя политика государства. Если и не онъ разрабатывалъ детали, то онъ задавалъ тонъ всему царствованію Александра III-го.

„Самодержавіе“ должно было стоять во всей своей неприкосновенной славѣ, во всемъ своемъ тупомъ величіи.

Поэтому полною неприкосновенностью и недоступностью для всякаго контроля пользуются не только царь, совершенно изолировавшій себя отъ государственной жизни, но и вся многочисленная родня царя, все это огромное множество великихъ князей и княгинь, получающихъ содержаніе изъ удѣльнаго вѣдомства и казны и матеріально обезпеченные лучше, чѣмъ вся масса часто голодающихъ „подданныхъ“. Но „аппетитъ приходитъ во время ѣды“. Царскіе родственники далеко не всегда довольствовались тѣмъ, что получали, и выжимали изъ „вѣрноподданныхъ“ своего царственнаго родственника.

А такъ какъ они совершенно безнаказанно могли творить все, что угодно, и престижъ самодержавія не допустилъ-бы какойлибо репрессіи по отношенію къ нимъ, еслибы они что-либо незаконное и сдѣлали, — то, вполнѣ естественно, еще больше разыгрывались аппетиты наименѣе честныхъ изъ нихъ, и родной братъ царя, великій князь Владиміръ Александровичъ, завѣдывавшій сборомъ пожертвованій на храмъ-памятникъ на мѣстѣ убійства его отца, императора Александра II-го, свободно и безнаказанно могъ положить въ свой собственный карманъ нѣсколько милліоновъ собранныхъ по подпискѣ денегъ. Объ этомъ говорили почти открыто, это знали всѣ, но... престижъ власти и самодержавія не допускалъ реагированія на подобныя дѣйствія родного брата царя..

И Владиміръ Александровичъ спокойно могъ прокучивать эти деньги, не боясь отвѣтственности и поддерживая основы самодержавія, являясь однимъ изъ тѣхъ китовъ, на которыхъ покоился весь этотъ. столь удобный и безопасный для него и ему подобныхъ, самодержавный міръ.

Не лучше его былъ его братъ, великій князь Алексѣй Александровичъ, въ теченіе ряда лѣтъ стоявшій во главѣ морского вѣдомства. И, если не ошибаюсь, именно къ нему относилась появившаяся во время „свободъ" 1905-го года каррикатура, гдѣ отъ балерины падала тѣнь, изображавшая броненосецъ.

Большимъ вліяніемъ при дворѣ Александра III-го пользовался также и великій князь Сергѣй Александровичъ, также одинъ изъ 4-хъ родныхъ братьевъ царя.

О немъ много ходило слуховъ, но такъ какъ они касались чисто-нравственной области, то они не могутъ для насъ представлять интереса.

Гораздо вѣрнѣе то, что, женатый на дочери великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, Елизаветѣ, онъ впослѣдствіи еще разъ породнился съ царской семьей, а именно, когда его родной племянникъ Николай II-й женился на родной сестрѣ Елизаветы—Алисѣ.

Никакой роли не игралъ четвертый братъ Александра, Павелъ Александровичъ впавшій впослѣдствіи въ немилость Николая II-го, кажется, за „неравный" бракъ и удаленный отъ двора.

И вотъ, вступая на престолъ предковъ, Николай II-й принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрныхъ хранителей этого престола, въ числѣ которыхъ были и вышеуказанные: Побѣдоносцевъ и родные дядья его — Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй Александровичи и десятки другихъ, менѣе видныхъ, но все-же болѣе или менѣе вліятельныхъ, лицъ, вродѣ братьевъ Дурново, Петра и Ивана, Витте, Куропаткина, Клейгельса, фонъ-Валь, Нейгардтъ, Горемыкина и т. д. Смерть отца, послѣдовавшая въ его присутствіи, не могла, конечно, не оказать сильнаго вліянія на новаго молодого царя.

Его родной братъ, Георгій Александровичъ, дѣлавшійся по закону наслѣдникомъ, находился въ послѣдней стадіи чахотки.

Младшій братъ, Михаилъ Александровичъ, любимецъ покойнаго отца, былъ краснощекимъ, живымъ, очень поверхностно образованнымъ, но очень симпатичнымъ по складу своего открытаго и незлобиваго характера, юношей, типичнымъ представителемъ отцовскаго семейнаго и простого уклада, больше любившій спортъ, верховую ѣзду, стрѣльбу, товарищескую военную среду, чѣмъ умственныя занятія, и преуспѣвавшій въ первыхъ не хуже Николая, также хорошаго „спортсмэна", но довольно мало и только поверхностно чему-либо учившагося.

Между ближайшими къ трону лицами, какъ мы видѣли, еще у неостывшаго трупа покойнаго императора разгорѣлись страсти изъ-за стремленія быть первымъ и оттѣснить другого, обуреваемаго тѣми-же желаніями. Но Янышевъ и Іоаннъ Кронштадтскій были въ этомъ отношеніи далеко не единственными лицами.

Вся та челядь, которая привыкла властвовать надъ постороннимъ и на колѣняхъ ползала передъ самимъ царемъ и другими, болѣе высокопоставленными, власть имущими, засуетилась и старалась поступить такъ-же.

Дядья, особенно-же Владиміръ Александровичъ, стали опасаться возможности ослабленія возжей самодержавія и стали надоѣдать молодому Николаю „отеческими" совѣтами.

Было ясно, что на него еще смотрятъ, какъ на „мальчишку", и Николаю это не понравилось.

Онъ, говорятъ, съ самаго-же начала далъ Владиміру Александровичу отпоръ, обидѣлся, заявилъ, что онъ вовсе не такъ глупъ, какъ тотъ думаетъ, и сумѣетъ разобраться самъ.

Но это была вспышка, — не болѣе.

Николай, какъ вообще люди не сильные и не самостоятельные, очень упорно старался подчеркнуть, что онъ — все-же нѣчто особенное по положенію и по той роли, которую ему уготовила судьба, и что онъ вполнѣ на высотѣ этой роли и свободно справляется съ тѣми задачами, которыя игра этой роли для него приносила съ собой.

Онъ болѣзненно относился ко всякаго рода критикѣ своихъ поступковъ, и не только отрицательной, но даже и одобряющей его дѣйствія.

Такъ, въ началѣ своего царствованія, на поляхъ докладовъ онъ часто отмѣчалъ, что дальнѣйшее осуществленіе проектовъ докладчиковъ можетъ осуществиться лишь тогда' когда онъ это одобритъ, хотя никто въ этомъ и не сомнѣвался, такъ какъ, вѣдь, именно онъ былъ „самодержцемъ“.

Но почему это подчеркиваніе? Да для того, чтобы помнили, не забывая ни на минуту, что именно отъ него все зависитъ.

Во время представленія ему одного изъ сенаторовъ случилось однажды слѣдующее: прежде чѣмъ представляющійся „впускался“ къ императору, послѣднему, обыкновенно, подавалась записка съ перечнемъ этаповъ предыдущей карьеры представлявшагося, и Николай имѣлъ обыкновеніе заранѣе прочитывать эту записку.

Когда ему представлялся упомянутый выше сенаторъ, Николай, вообще обладавшій хорошей памятью на лица, цифры и событія, наизусть задалъ сенатору рядъ вопросовъ о его прежней службѣ, вродѣ:

„Тогда-то вы были тамъ тѣмъ-то?“

Удивленный сенаторъ не удержался и сказалъ царю комплиментъ:

„Могу только удивляться памяти вашего императорскаго величества“,

„До памяти моей вамъ нѣтъ никакого дѣла“, — рѣзко оборвалъ его Николай.

„Самодержецъ“ проявилъ себя: не дѣло „подданнаго“ критиковать его дѣйствія, хотя-бы и въ положительномъ смыслѣ.

Подчеркнутая Николаемъ самостоятельность осталась выходкой, не болѣе.

И именно Владиміръ Александровичъ, а особенно „дядя Сергѣй“, сталъ вліятельнѣйшимъ лицомъ при дворѣ Николая.

Но надо было, чтобы это произошло само собой, не было подчеркнуто и не казалось молодому, самолюбивому и болѣзненно относившемуся къ своимъ прерогативамъ, царю покушеніемъ на его самостоятельность.

Тогда все пошло великолѣпно, но при одномъ непремѣнномъ условіи: чтобы эти совѣты не были направлены къ подрыву основъ „самодержавной власти“, включая сюда, конечно, и власть самого Николая.

Къ сохраненію этихъ „устоевъ“ Николай относился ревниво и въ сохраненіи этомъ вполнѣ искренно усматривалъ завѣтъ отца, имъ дѣйствительно и искренно любимаго. А обстановка, при которой Александръ III-й умеръ, не могла не создавать кругомъ его личности для сына извѣстнаго ореола. Было время, когда Николай не прочь былъ отказаться отъ престола.

Но отецъ еще при жизни своей заставилъ его подписать манифестъ о вступленіи его, Николая, на престолъ русскихъ самодержавныхъ царей.

Эта смерть безъ трусливой робости передъ нею, въ кругу семьи и въ полномъ со-

знанiи (умеръ Александръ III-й, сидя въ креслѣ), эта цѣльность натуры Александра—импонировала. И завѣты его кажутся вполнѣ искренно-истинными завѣтами, а слѣдованiе имъ, даннымъ передъ лицомъ смерти и убѣжденно, — святымъ долгомъ, совершенно независимо отъ личныхъ симпатiй.

И когда, не любившiй ученiя, но всей душою преданный любви къ охотѣ, верховой ѣздѣ, полковой жизни и другимъ спортамъ, барчукъ изъ наслѣдника престола, слегка брыкавшагося и желавшаго создать себѣ такую-же, какъ была у отца, спокойную семейную жизнь съ ему въ то время близкой женщиной, превращается въ „самодержца", онъ, вполнѣ естественно, идетъ по стопамъ своего, дѣйствительно для него „незабвеннаго", родителя и, при поддержкѣ вѣрныхъ слугъ и друзей своего отца, начинаетъ царствованiе, направленiе котораго предрѣшено и собственною не-яркостью и преклоненiемъ передъ памятью отца, и, наконецъ, совѣтами такихъ „вѣрныхъ слугъ", какъ К. П. Побѣдоносцевъ, и родственниковъ, какъ великiе князья Владимiръ, Алексѣй и Сергѣй Александровичи...

Н. Степанова.

ХОДЫНКА.

Ходынка! — Ужасомъ вѣетъ отъ этого слова.

Почему случилась эта катастрофа? Кто ея виновникъ? И были-ли вообще здѣсь виновники? Не простая-ли, хотя ужасная, это случайность, за которую никого винить нельзя и которая была-бы возможна во всякомъ другомъ государствѣ и при гораздо болѣе культурныхъ условіяхъ? Недаромъ-же корреспонденты заграничныхъ газетъ и другіе „знатные иностранцы“. которымъ наканунѣ катастрофы объясняли устройство пересѣкавшихъ поле стѣною бараковъ, откуда должны были раздавать народу подарки (красный платокъ, эмалированную кружку, пряникъ и орѣхи), — недаромъ эти иностранцы нашли, что все устроено удивительно цѣлесообразно и остроумно.

Порядокъ долженъ былъ быть образцовый. Всякій подходитъ къ одной изъ расположенныхъ другъ къ другу подъ угломъ деревянныхъ палатокъ, получаетъ подарокъ и проходитъ дальше черезъ узенькое пространство въ томъ мѣстѣ, гдѣ стороны угла сходятся. Сзади — Ходынкій лагерь, а въ разныхъ мѣстахъ поля раабросаны театры, балаганы, качели: веселись на славу!

Кое-гдѣ были разставлены бочки съ пивомъ, пей за здоровье царя и царицы, зачерпнувъ это пиво, либо только что полученною въ подарокъ отъ царя кружкой, либо ковшомъ, который находится при бочкѣ.

Но, объясняя иностранцамъ устройство бараковъ, администрація, къ сожалѣнію, упустила изъ вида демонстрацію и кое-какихъ другихъ деталей, о которыхъ, впрочемъ, и сама забыла: о тѣхъ, напримѣръ, глубокихъ колодцахъ въ началѣ Ходынскаго поля, въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то была французская выставка, — не засыпанныхъ, а только покрытыхъ послѣ закрытія выставки и сноса ея строенія досками, на которыя, въ свою очередь, былъ положенъ слой дерна.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Доски сгнили, народа пришло видимо-невидимо, — и вотъ одна изъ причинъ ужасной катастрофы уже налицо.

Но только „одна изъ причинъ“, — далеко не единственная, хотя и характерная для русскихъ ,,порядковъ“ вообще.

А этихъ ,,другихъ“ причинъ было тоже немало и не менѣе, притомъ, для русскихъ самодержавныхъ порядковъ характерныхъ,

На коронацію съѣхалось народа видимо-невидимо, и не только съ самыхъ отдаленныхъ концовъ всего россійскаго государства, но и съ разныхъ концовъ міра.

Празднества, сопровождавшія коронацію такого виднаго суверена, какъ русскій самодержавный царь, обставлялись особенно пышно и торжественно.

Каждый, вѣдающій этими празднествами, былъ на виду, могъ проявить и показать себя; каждый, у кого была возможность хоть сколько-нибудь сдѣлать это, лѣзъ впередъ, стараясь удовлетворить и свое честолюбіе, и свое властолюбіе.

А такъ какъ любовь къ власти и опьяненіе ею — явленіе обычное въ высшихъ придворныхъ кругахъ, и такъ какъ у близко къ трону стоящихъ лицъ, обычно, крайне остро развита чувствительность ко всякаго рода посягательствамъ на эти, кажущіяся имъ неотъемлемыми, права, то интриги, столкновенія и ссоры изъ-за дѣлежа этой власти — явленіе обычное; въ результатѣ — раздвоеніе власти, безвластіе и полнѣйшій сумбуръ. „Паны дерутся, а у холоповъ чубы трещатъ", — такъ бываетъ, обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, и такъ оно случилось и на этотъ разъ.

Московскимъ генералъ-губернаторомъ въ то время былъ родной дядя царя, великій князь Сергѣй Александровичъ, — человѣкъ, водворившій въ Москвѣ „порядокъ", извѣстный своими репрессіями противъ евреевъ, въ нѣсколько дней очистившій первопрестольную отъ этого „вреднаго" элемента. Ему во всей полнотѣ принадлежала въ Москвѣ и власти, и представительство, Это былъ фактически маленькій царь, облеченный огромными полномочіями въ силу „чрезвычайной охраны", при чемъ эта „чрезвычайная охрана" всегда объявлялась на одинъ годъ, но наканунѣ истеченія ея срока, указомъ царя, добросовѣстнѣйшимъ образомъ возобновлялась „еще на одинъ годъ".

Въ подобномъ же положеніи находились и многія другія части Россіи, съ тою разницею, что на Москву, какъ на одну изъ столицъ, было обращено особое вниманіе, и полнымъ хозяиномъ ея и прилегавшаго къ ней обширнаго района было назначено лицо, связанное съ царемъ кровными узами близкаго родства. Сергѣй Александровичъ пользовался плохою славой, относившейся къ области довольно-таки безнравственной...

Его „управленіе" генералъ-губернаторствомъ осуществлялось, конечно и по преимуществу, не имъ самимъ, а черезъ другихъ лицъ, и въ числѣ этихъ лицъ былъ московскій оберъ-полицеймейстеръ Власовскій,

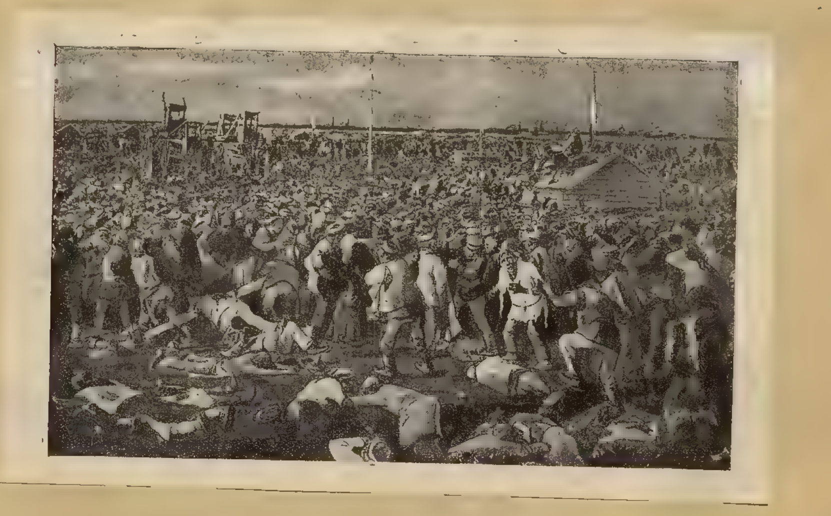
Это былъ человѣкъ энергичный, но взбалмошный, неустойчивый, любившій кутежи и женщинъ, и немало скандальныхъ исторій разсказывалось про его похожденія въ тѣ времена.

Но въ смыслѣ „управленія" Москвой великій князь могъ на него положиться: онъ умѣлъ „хозяйничать", хозяйничать такъ, какъ хозяйничали въ тѣ „добрыя", минувшія теперь уже навѣки, времена.

Вообще, въ то время Москва не была обижена судьбою, и немало „добрыхъ" людей знала она тогда.

Городскимъ головою былъ тогда очень богатый Алексѣевъ, кутившій вмѣстѣ съ Власовскимъ и любившій женщинъ не менѣе послѣдняго. Это былъ человѣкъ типа „моему нраву не препятствуй", въ то-же время искренно заботившійся о благѣ города, поскольку ему было понятно это благо.

А пониманіе этого „блага" сводилось, главнымъ образомъ, къ внѣшнему благолѣпію, къ устройству тротуаровъ, напримѣръ. Говорятъ, что когда, однажды, городская дума отклонила проектъ введенія на рядѣ улицъ асфальтовыхъ переходовъ, Алексѣевъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ произведетъ это нововведеніе на свой счетъ, и что, будто-бы, это, довольно дорогое, удовольствіе онъ въ дѣйствительности и осуществилъ. Во всякомъ случаѣ, если это было самодурствомъ, то самодурствомъ высшаго порядка. Этотъ Алексѣевъ впослѣдствіи былъ убитъ братомъ одной изъ жертвъ его любовныхъ похожденій.

Коронаціонныя торжества

Ходынское поле, на которомъ погибло до восьми тысячъ человѣкъ, пришедшихъ праздновать вступленіе на престолъ Николая II.

Однимъ изъ главныхъ моментовъ всей серіи коронаціонныхъ торжествъ должно было [illegible]ся народное гулянье на огромномъ Хо[illegible] полѣ, близь Петровскаго парка.

Къ этому гулянью готовились заранѣе: строили бараки и балаганы, даже заказали во Франціи тѣ бѣлыя эмалированныя кружки, которыя въ видѣ царскаго подарка выдавались народу въ день злополучной „Ходынки". Во главѣ управленія всего церемоніала торжествъ, непосредственно сопровождавшихъ коронованіе царя и царицы, естественно, сталъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, министръ двора.

Но, являясь главнымъ руководителемъ всевозможныхъ высочайшихъ пріемовъ о сопровождавшихъ коронацію высочайшихъ торжественныхъ выходовъ, баловъ и торжествъ онъ стремился взять подъ свою власть и тѣ празднества, которыя находили, казалось-бы, что въ функцію министра двора, такимъ образомъ, входилъ, напримѣръ, высочайшій пріѣздъ и выходъ въ царскомъ павильонѣ на Ходынскомъ полѣ, — томъ павильонѣ, который сохранился и понынѣ и въ которомъ сейчасъ помѣщается мирный клубъ общества лыжниковъ.

Но такъ какъ высочайшій пріѣздъ и выходъ и отдѣльные моменты празднествъ должны были совпадать, то Воронцову-Дашкову приходилось вмѣшиваться также и во внѣшній ихъ распорядокъ.

Къ тому-же всѣ правила въѣздовъ, выѣздовъ, допущенія толпы къ тому или иному мѣсту входили въ кругъ его обязанностей

Не надо забывать что это происходило въ періодъ, когда опасались всевозможныхъ покушеній на царя и его семью, и старыя традиціи „охраны" его личности были еще очень сильны.

Надо было указывать и тѣ мѣста, гдѣ должна была приближаться къ царю переодѣтая толпа городовыхъ и охранниковъ и привѣтствовать его подъ видомъ „подлиннаго" народа, ибо подпускать слишкомъ близко настоящій народъ было опасно; а вдругъ бросятъ бомбу!

Отсюда — совершенно естественное вмѣшательство Воронцова-Дашкова во внѣшній порядокъ на улицахъ первопрестольной.

Это вмѣшательство непріязненно было встрѣчено Власовскимъ, видѣвшимъ въ этомъ посягательство на свои прерогативы.

Къ тому-же, привыкшій ярляться фактическимъ хозяиномъ Москвы, онъ въ указаніяхъ Воронцова-Дашкова, отдававшихся довольно опредѣленно, видѣлъ оскорбленіе себя: онъ, Власовскій, былъ подчиненъ только непосредственно московскому генералъ-губернатору, а послѣдній всю власть передалъ ему Власовскому.

Воронцовъ-Дашковъ-же въ его глазахъ нарушалъ свои полномочія.

Точку зрѣнія Власовскаго, какъ кажется, раздѣлялъ и Сергѣй Александровичъ.

Но у всѣхъ былъ „хлопотъ полонъ ротъ", разъяснять возникавшія недоразумѣнія не было ни возможности, ни времени, благодаря чему событія шли своимъ чередомъ.

Но обида, которую питалъ Власовскій противъ Воронцова-Дашкова, въ каждомъ поступкѣ и распоряженіи котораго онъ теперь болѣзненно усматривалъ желаніе послѣдняго напосредственно узурпировать власть и функціи, принадлежащія именно ему, Власовскому, привели къ естественному упадку его энергіи и распорядительности. И, помимо всякихъ другихъ причинъ, именно отсутствіе единой и цѣльной распорядительности власти во время „Ходынки" и явилось главною причиною той растерянности и нераспорядительности, которую проявили администрація и полиція въ моментъ катастрофы, ослабить послѣдствія которой, если и не устранить ее совсѣмъ, администрація была-бы не въ состояніи, если-бы не это раздвоеніе власти, не эта затаенная обида и сопровождавшій ее естественный упадокъ распорядительной энергіи.

Справиться съ наблюденіемъ за порядкомъ на „Ходынкѣ" московская полиція собственными силами не была въ состояніи

Это можно было предвидѣть.

Необходимо было участіе войсковыхъ частей. Неизвѣстно, почему, но ихъ было откомандировано на Ходынку чрезвычайно мало. Говорятъ, что и здѣсь произошли споры изъ за какого-то мѣстничества: военная власть хотѣла сама командовать военною силою, не предоставляя права распоряжаться ею „какой-то полиціи".

Въ свою очередь, Воронцовъ-Дашковъ, отдавая свои „министерскія" распоряженія, не особенно, конечно, увлекался онализомъ того, гдѣ кончается его компетенція и начинается компетенція другихъ

Отдавая „общія“ распоряженія, руководя празднествомъ „сверху“, онъ лишенъ былъ возможности входить во всѣ детали устроительства празднествъ на мѣстѣ,

Тѣмъ менѣе онъ былъ занятъ изслѣдованіемъ психологіи какого-то полицейскаго Власовскаго. .

И день „Ходынки“ наступилъ.

Еще задолго до этого дня всѣмъ было извѣстно, что предстоитъ небывалое народное гулянье.

Ходили самые разнообразные слухи.

Въ своей наивной вѣрѣ въ царя и его всемогущество. народъ не могъ не реагировать на доходившія до самыхъ отдаленныхъ деревень извѣстія, что послѣ коронаціи будутъ раздаваться подарки: фантазія разыгрывалась.

Газетъ деревня не читала, да и кто вѣрилъ въ тѣ времена газетамъ, находившимся подъ самой строгой предварительной цензурой и не имѣвшимъ восможности писать о настоящей правдѣ.

И, конечно, слухи были единственнымъ источникомъ проникавшихъ въ деревню свѣдѣній.

И вотъ, разростаясь все больше и больше, подхватываемые на лету и передаваемые изъ устъ въ уста, слухи эти довели до свѣдѣнія деревни, что предстоятъ небывалыя празднества, что на Ходынкѣ будутъ разыгрываться цѣлыя коровы, — это богатство и недосягаемая мечта голодающихъ бѣдныхъ деревень и ихъ обитателей, голодныхъ-же крестьянъ.

И ко дню „Ходынки“ изъ далекихъ деревень потянулись къ Москвѣ крестьянскія телѣги, и цѣлый лагерь образовался наканунѣ ея около Всесвятскаго. Горѣли огни костровъ. Раздавалась игра на „гармошкахъ“, пѣли, водили хороводы, плясали, коротая ночь въ ожиданіи получить царскій подарокъ и,

быть можетъ, имѣть счастье выиграть даже живую корову или что-нибудь въ этомъ родѣ изъ того, неисчерпаемаго моря щедротъ, которое проливалось надъ народомъ по волѣ новаго всемогущаго и самодержавнаго царя-батюшки Николая Александровича. Всю ночь передъ днемъ „Ходынки“ непрерывной цѣпью изъ Москвы и ея окрестностей тянулась къ Ходынскому полю одна сплошная стѣна народа.

Шли, истово крестясь у каждой це... какъ описываетъ эту картину одинъ очевидецъ-иностранецъ...

Поѣзда прибывали переполненными выше всякой мѣры: висѣли на подножкахъ и, несмотря на то, что было пущено много добавочныхъ поѣздовъ, не было возможности помѣстить всѣхъ желающихъ.

Вотъ этотъ-то приливъ огромнаго количества „пришлыхъ“ людей, не составлявшихъ коренного и постояннаго населенія Москвы, также былъ упущенъ изъ вида.

А, между тѣмъ, московское населеніе увеличивалось въ эти дни съ часа на часъ, а на Ходынкѣ, вмѣсто тѣхъ десятковъ тысячъ, которыхъ, повидимому, имѣли въ виду, собрались уже не десятски и даже не сотни тысячъ.

Очевидцы говорятъ, что все огромное поле въ буквальномъ смыслѣ представляло одну черную массу, и что здѣсь было народа не менѣе, чѣмъ около милліона, т. е. немногимъ меньше того числа, которое въ то время составляло **все** населеніе Москвы въ обычное время.

Кое-гдѣ на полѣ были разставлены конные полицейскіе, на обязанности которыхъ лежало сохраненіе порядка.

Но главное вниманіе полиціи и главныя силы, конечно, были оттянуты не къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ веселиться народъ, а къ парадной сторонѣ Ходынки, туда, откуда должны были прибыть „ихъ императорскіе величества“, ихъ блестящая свита и все то блестящее общество русскихъ и иностранныхъ гостей, присутствіе которыхъ на торжествахъ входило въ „программу“.

„Народъ“ былъ, такимъ образомъ, предоставленъ себѣ самому и тѣмъ условіямъ, среди которыхъ онъ оказался волею судебъ и „добраго“ начальства.

Какъ сказано выше, устройство „Ходынки“ представлялось на первый взглядъ удивительно цѣлесообразнымъ

Къ тому-же, не впервые устраивались подобные празднества: и при коронаціи Александра III-го, и при коронаціи Александра II-го такія народныя гулянія были, хотя и не въ такихъ размѣрахъ.

Деревянная, тянувшая отъ Ваганьковскаго кладбища къ 2-му въѣзду въ Петровскій паркъ, стѣна съ узенькими проходами для пропуска черезъ нихъ получившихъ подарки и изолированія, такимъ образомъ, этихъ лицъ отъ подходившихъ за подарками отъ Москвы, — оказалась ужасной ловушкой.

Такое устройство могло-бы оказаться практичнымъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы народъ къ деревяннымъ палаткамъ подходилъ въ полномъ порядкѣ, но не напиралъ сзади сплошною стѣною, если-бы на мѣстѣ была-бы многочисленная, наблюдавшая за порядкомъ, полиція, если-бы, далѣе, народа было въ десять или двадцать разъ меньше, чѣмъ его въ дѣйствительности было, и если-бы, наконецъ, не произошла та паника, которая въ дѣйствительности произошла...

Но при тѣхъ условіяхъ, которыя были налицо въ дѣйствительности, тѣмъ, которые были прижаты напоромъ сзади, некуда было дѣваться, они застревали въ узкихъ проходахъ, давили и топтали другъ друга, а напиравшая сзади толпа бросала все новыя и новыя жертвы.

Первая паника произошла, когда подъ ногами шедшихъ вдругъ „провалилась земля" въ томъ мѣстѣ, гдѣ раньше была французская выставка

Гнилыя доски, покрывавшіе незасыпанные, а лишь прикрытые, колодцы. проломились, люди стали сыпаться въ эти глубокіе колодцы, а сзади все напирали и напирали...

Нетрудно себѣ представить, что произошло. Прибывали стѣною, а выходить можно было только черезъ узенькіе проходы между деревянными палатками. гдѣ раздавались подарки.

Къ тому-же именно эти послѣднія и были предметомъ вожделѣнія всего собравшагося сюда народа, и на нихъ напирали не только шедшія изъ Москвы, но и вливавшіяся въ это людское море съ другихъ сторонъ толпы.

Такъ, въ моментъ начала катастрофы [...]лась сюда многотысячная толпа рабочихъ Прохоровской мануфактуры.

Говорятъ, что было устроено угощеніе недалеко отъ этой, находящейся близъ Прѣсни, фабрикѣ, именно съ цѣлью удержать рабочихъ тамъ, но что, послѣ угощенія, идя прямо отъ Прѣсни, толпа рабочихъ влилась въ толпу, находившуюся на Ходынкѣ, отчего еще болѣе усилилась давка и именно въ моментъ, когда катастрофа уже разыгралась.

Видя, что толпа слишкомъ сильно напираетъ, и что напоръ ея можетъ снести палатки, раздававшіе послѣднія стали бросать узелки въ толпу, чтобы отвлечь ее отъ этихъ палатокъ.

Бросалась за брошенными подарками, люди, дѣйствительно „отвлекались" отъ палатокъ, но зато образовывали живые, барахтавшіеся на землѣ, клубки. на которыхъ валились другіе, сбитые съ ногъ, стиснутые и опрокинутые напоромъ теперь уже со всѣхъ сторонъ напиравшей толпы.

Жара стояла страшная. Не было въ буквальномъ смыслѣ ни одной свѣжей струи воздуха.

Нетрудно себѣ представить, въ какомъ положеніи очутилась эта милліонная толпа съ нависавшей надъ нею и образовавшейся отъ выдыханія углекислотой. Давка была такая, что грудныя клѣтки сдавливались, проламывались, люди умирали или, попадая подъ ноги толпѣ, или продолжая двигаться вмѣстѣ съ нею, такъ какъ трупу упасть было некуда. И ужасомъ вѣетъ отъ разсказовъ очевидцевъ, испытавшихъ это состояніе, когда рядомъ „идетъ" посинѣвшій, вздувшійся, съ вылѣзшими изъ орбитъ глазами и съ искаженными чертами лица, мертвый сосѣдъ, избавиться отъ котораго нѣтъ никакой возможности, и при томъ въ минуту, когда самому уже не хватаетъ воздуха и каждую минуту готовишься самъ очутиться въ положеніи такого задавленнаго и задохшагося.

Въ концѣ концовъ, рухнули палатки съ подарками, толпа хлынула въ разныя стороны, а на мѣстѣ осталось вколо 10 тысячъ убитыхъ и искалѣченныхъ, съ раздробленными грудными клѣтками, вздутыми головами, переломанныму членами и ребрами, часто вылѣзавшими изъ какой-то груды мяса. которую нельзя было брать руками и приходилось просто. по словамъ очевидца, собирать вилами. Зато нѣкоторымъ удалось поживиться на славу.

Такъ, служившій въ одной изъ крупнѣйшихъ московскихъ булочныхъ здоровенный парень ухитрился получить, напримѣръ, цѣлыхъ 5 эмалированныхъ кружекъ.

Правда, его красная рубашка представляла послѣ этого одни лохмотья и самого его помяли-таки, несмотря на всю его силу...

Но... 5 кружекъ все-же составляли теперь его неотъемлемую собственность и богатство.

Какъ, однако, реагировалъ на эту катастрофу царь?

Казалось-бы, трудно было послѣ всего случившагося продолжать начатыя празднества.

До нихъ-ли могло быть?

Оказалось, что вовсе не трудно и что вполнѣ свободно можно было ихъ продолжать.

Да изъ-за чего отмѣнять ихъ?

Вѣдь, какъ-никакъ, коронація бываетъ только разъ въ жизни царя (развѣ Наполеонъ I-й могъ себѣ позволить такую роскошь, какъ дважды быть коронованнымъ папою), съѣхалось столько гостей, сшито столько парадныхъ платьевъ и мундировъ, такъ долго ждали всѣхъ этихъ баловъ и проч. Такъ неужели-же все это отмѣнить изъ-за какой-то катастрофы, случившейся съ дикой и необразованной толпой?

И царскій пиръ продолжался, этотъ настоящій „пиръ во время чумы".

Царь поѣхалъ осмотрѣть мѣсто Ходынской катастрофы, какъ ѣздятъ на парады. Все было уже аккуратно прибрано, выравнено. Колодцы были засыпаны, при чемъ, какъ говорятъ, иногда еще кокошились внизу живые люди, — царскихъ глазъ и царскаго чувства здѣсь уже ничто не могло оскорбить и покатавшись по залитому нѣсколько дней передъ тѣмъ кровью своихъ „подданныхъ" Ходынскому полю, царь благополучно продолжалъ посѣщать балы и прочія празднества.

Было даже назначено разслѣдованіе того, кто виноватъ въ этомъ несчастномъ происшествіи.

Вездѣ и при всякихъ другихъ условіяхъ былъ-бы, конечно, виноватъ тотъ, кто офиціально долженъ былъ-бы слѣдить за всѣмъ и былъ правителемъ всего московскаго генералъ-губернаторства, — именно великій князь Сергѣй Александровичъ, такъ какъ то, что онъ допустилъ, русскими уголовными законами называется не иначе, какъ „бездѣйствіемъ власти".

Но... вѣдь, онъ былъ „великій князь" и дядя государя, до котораго рука посторонняго не достанетъ.

Ну, а самъ царь?

А самъ царь, конечно, не могъ не испытывать особаго удовольствія отъ тѣхъ баловъ и празднествъ, которыми сопровождалось его пребываніе въ Москвѣ. Эти воспоминанія были настолько пріятны, „порядокъ" въ Москвѣ царилъ такой образцовый, — „незначительное" происшествіе на „Ходынкѣ" не шло, конечно, въ счетъ, — что „любезный дядя" получилъ высочайшую благодарность и въ награду за свои доблести и для возможности осуществлять всю полноту власти былъ, помимо того, что онъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, назначенъ еще и командующимъ войсками московскаго округа

Теперь власть была въ однѣхъ рукахъ, семейныя и родственныя начала торжествовали, никто изъ собравщихся на коронаціонныя торжества обиженъ не былъ и могъ ими упиваться и исчерпывать всю ихъ программу до дна... а народъ... при чемъ тутъ „народъ"?

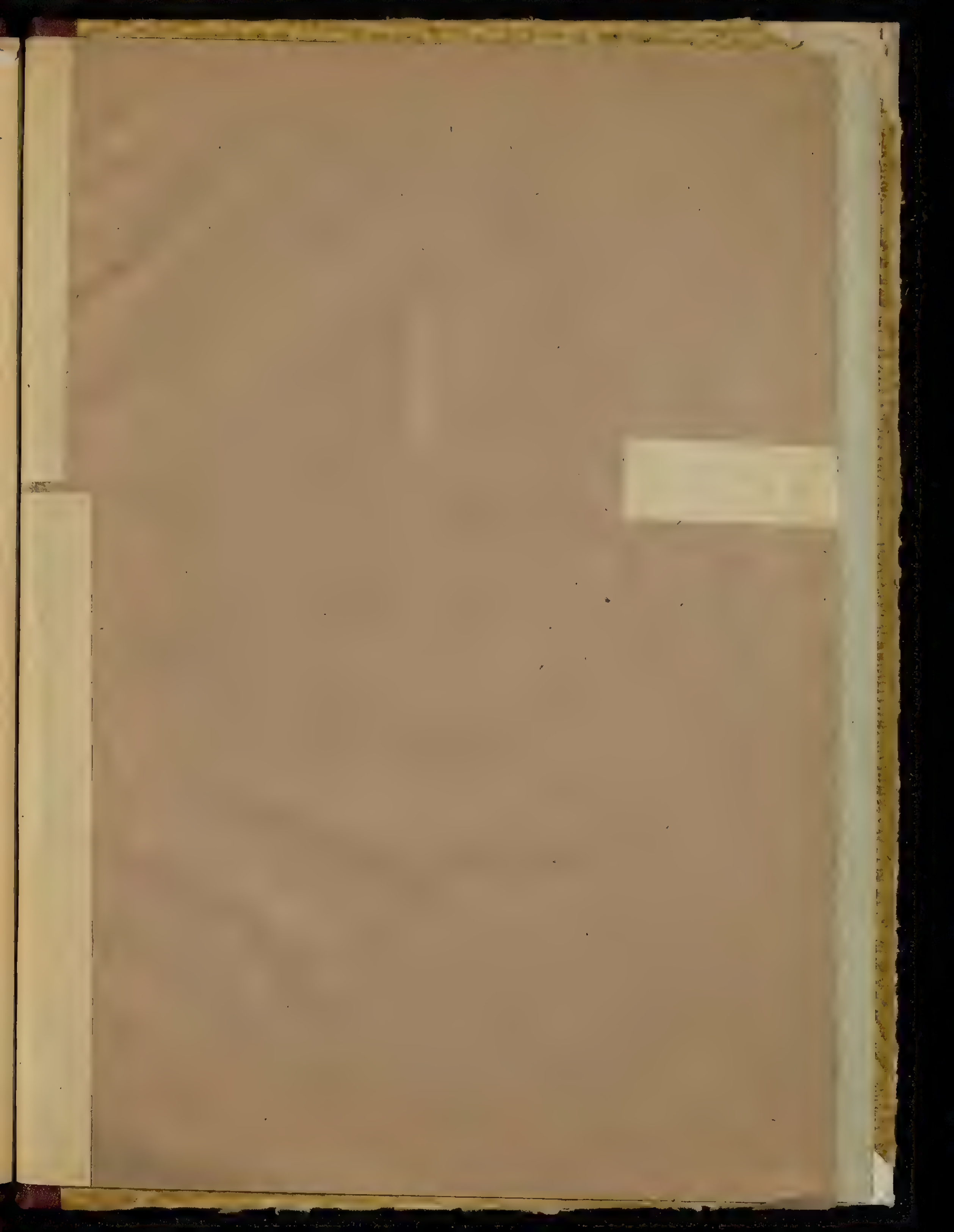
Его-ли дѣло вмѣшиваться въ придворный этикетъ и двидворныя приличія?! Что онъ во всемъ этомъ понимаетъ? Его дѣло — хоронить раздавленныхъ и убитыхъ во время „ходынскаго праздника", его судьба — оплакивать ихъ.

Подобаетъ-ли царю смотрѣть на подобныя безобразія?

Его дѣло — посѣтить очищенное отъ „всякія скверны" мѣсто катастрофы и „представлять" данную ему отъ Бога самодержавную власть передъ собравшимися на пиръ со всѣхъ концовъ свѣта гостями.

Въ эти дни царь Николай II-й во всей своей полнотѣ повявилъ свою полную разобщенность съ русскимъ народомъ, свое глубокое равнодушіе къ его судьбамъ, отчалилъ отъ берега и поплылъ по тому морю крови, которое представляло его царствованіе.

К. Мирдовцевъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва Н. В. ВАСИЛЬЕВА

Москва, Большая Дмитровка, 17. Телеф. 2-83-92.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

Великая Русская Революція

въ очеркахъ и картинахъ.

Въ изданіи будетъ пробно изложена подготовка Революціи, ея исторія; помѣщены документы, бюллетени революціи, прокламаціи и т. п. Все изданіе будетъ роскошно иллюстрировано фотограф. снимками событій въ Петроградѣ и Москвѣ, зарисовками, портретами дѣятелей революціи и т. п.

Въ изданіи примутъ участіе лучшія литературныя силы и непосредств. дѣятели революціи.

Все изданіе будетъ состоять изъ 6-ти выпусковъ большого формата. Цѣна изданія 23 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 руб. и при полученіи каждаго тома 3 руб. 50 к. Пересылка по дѣйств. стоимости.

Исторія Царствованія НИКОЛАЯ II.

Широко и художеств. иллюстрированное изданіе будетъ распадаться на 3 отдѣла: 1) До восшествія на престолъ. 2) Царствованіе до начала Великой Войны. 3) Послѣдніе годы до отреченія отъ престола).

Японская война, дни революціи 1905 г., дни великой войны, „Темныя силы“, эпоха Распутина, интимная сторона царствованія—все это будетъ широко и полно освѣщено.

Изданіе будетъ состоять изъ 6-ти выпусковъ (3-хъ т.) большого формата. Цѣна 23 руб.—Пересылка по разстоянію. Условія подписки: при подпискѣ 5 руб. и при полученіи каждаго выпуска—3 руб.

СВОБОДНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1. Что такое республика?—проф. С. Г. Фельдштейна.
2. Борцы за свободу.—А. Струве.
3. Григорій Распутинъ.—Мих. Василевскаго.
4. Пауки и мухи.—Либкнехта.
5. Коллективизмъ.—Н. С. Геда
6. Николай II и его дворъ.
7. Какъ началась великая русская революція.—В. Михайлова, часть I.
8. Отчего мы соціалисты.—Жюль Геда.
9. Запретныя пѣсни.—В. Сатинскаго.
10. Какъ произошло отреченіе Николая II.—Н. В. Касаткина.
11. Что такое Учред. Собр.—Фельдштейна.
12. Заговоры 1825 г.—А. Герцена.
13. Немного теоріи.—Энр. Малатесто.
14. Какъ произошло убійство Распутина.—Ф. Сидорова.
15. Правда о Мясоѣдовѣ.—В. Сатинскаго.
16. Миръ и пролетаріатъ.—Ж. Жореса.
17. Темныя силы.—С. Николаева.
18. Всеобщ. равн., прям. и тайное избират. право.—Прив.-доц. Коваленкова.
19. Убійство Сергѣя Александровича. — А. Колосова, кн. напеч. въ 1905 г.
20. Аграрный вопросъ въ Россіи.—Прив.-доц. Коваленкова.
21. Какъ началась великая русская революція.—В. Михайлова. Часть II.
22. Программы политическихъ партій.
23. Права человѣка и гражданина.
24. „Большевики“.
25. Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія марксизма.
26. Профессіональные союзы и соціалъ демократія.—Каутскаго.
27. Сіонизмъ и соціалисты.
28. Патріотизмъ и соціалъ-демократія.—Каутскаго.
29. Государство и религія.—Лютгенау.
30. Понятіе о государствѣ.—Ф. Плѣнкина.
31. Гражданская свобода.—А. Струве.
32. Государственная власть.—Ф. Плѣнкина.
33. Учредительное Собраніе. — Проф. Коломійцева.
34. Кого мы должны выбирать въ Учредительное собраніе.—А. Струве.
35. Роль рабочаго въ русской революціи.—А. Струве.
36. Примирительныя камеры.—Ильинскаго
37. Интернаціоналъ.
38. Научный соціализмъ.—Ф. Энгельса
39. Земельныя реформы.—А. Домашке.
40. Аграрный вопросъ.—А. Домашке.
41. Что такое соціализмъ.—Хвойника.
41. Какъ я сталъ с.-демократомъ.
43. Мѣстное самоуправленіе.—Воронова.
44. Война и соціалъ-демократія.—К. Каутскій.

Цѣна каждаго № 25 коп.

Типографія Т-го Д-ма И. А. Мальковъ и К°. Москва.

